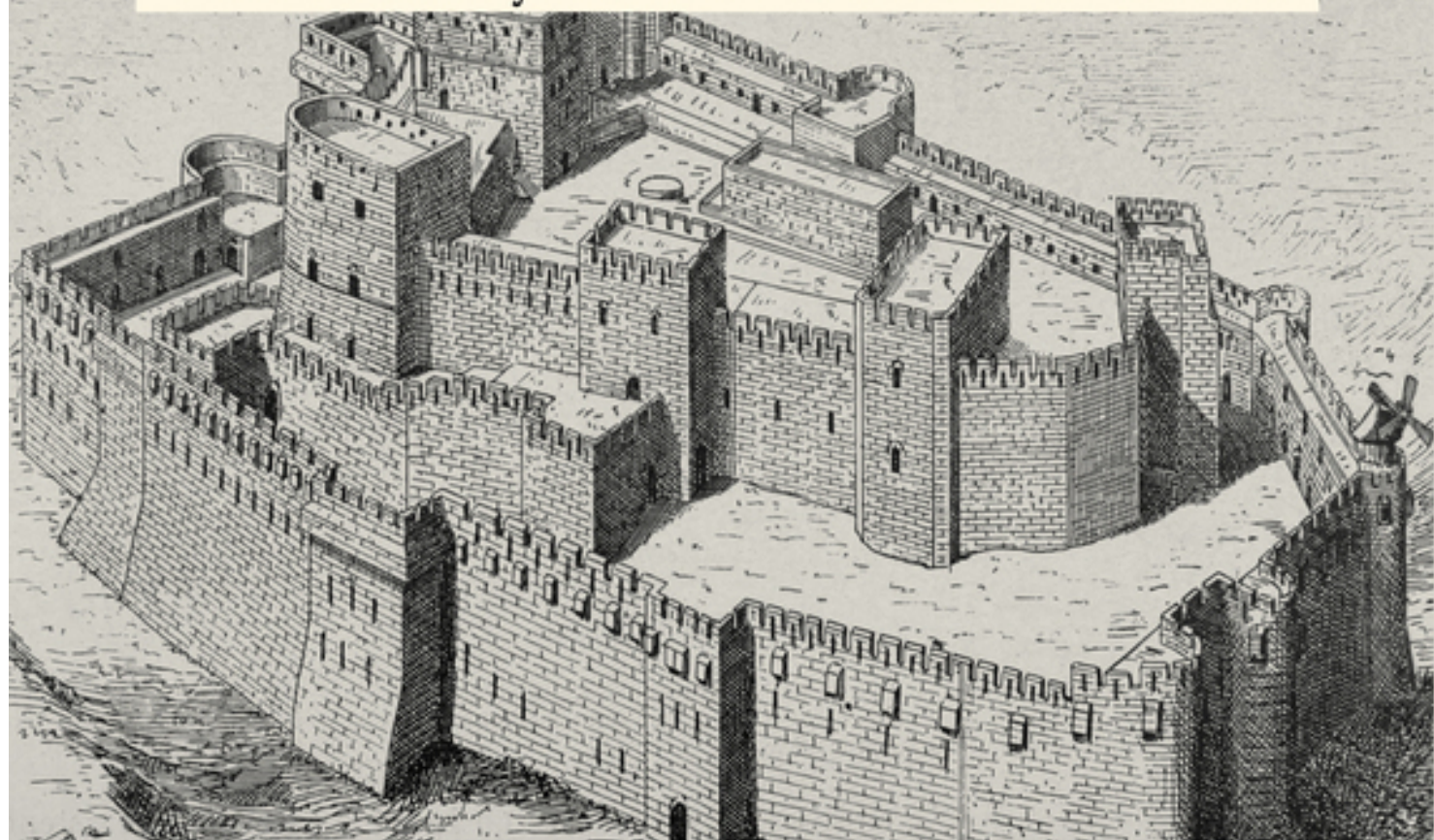

Сьюзен Уайс Бауэр

ИСТОРИЯ

The History of the Medieval World

СРЕДНЕВЕКОВОГО МИРА

От времен Константина
до первых Крестовых походов

И С Т О Р И Я В О Д Н О М Т О М Е

История в одном томе

Сьюзен Бауэр

**История Средневекового
мира. От Константина до
первых Крестовых походов**

«Издательство АСТ»

2010

УДК 94(4)"04/14"
ББК 63.3(0)4

Бауэр С. У.

История Средневекового мира. От Константина до первых
Крестовых походов / С. У. Бауэр — «Издательство АСТ»,
2010 — (История в одном томе)

ISBN 978-5-17-090562-1

История Средневекового мира с IV века до начала века XII – от подъема Византийской империи до первых Крестовых походов. От рождения Мухаммеда до раздела империи Каролингов. Не просто сухие факты, но и подробный и яркий рассказ о внешней и внутренней политике государств Средневековья, о религии и ее роли в повседневной жизни и системе управления. Результатом стала потрясающая мозаика событий, свидетельств и документов, в которой в равной степени важен каждый элемент.

УДК 94(4)"04/14"

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-17-090562-1

© Бауэр С. У., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Благодарности	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	25
Глава пятая	31
Глава шестая	35
Глава седьмая	43
Глава восьмая	47
Часть вторая	51
Глава девятая	51
Глава десятая	57
Глава одиннадцатая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сьюзен Уайс Бауэр
История Средневекового мира: От
Константина до первых Крестовых походов
Посвящается Бену

Серия «История в одном томе»
Susan Wise Bauer

THE HISTORY OF THE MEDIEVAL WORLD
From the Conversion of Constantine to the First Crusade

Перевод с английского *В. Гончарова*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Воронина*
Печатается с разрешения издательства W.W. Norton & Company, Inc. и литературного агентства Andrew Nürnberg.

Благодарности

Моему редактору в издательстве «Нортон», Старлинг Лоуренс, которая первой предложила мне этот проект и поддерживала его профессиональными советами, подбадривала меня, а однажды убедила спуститься с лестницы и вернуться к рукописи. Также я не устаю благодарить Стар и Дженни за то, что каждый раз, когда я бываю в Нью-Йорке, они предоставляют мне место, где можно работать и думать.

Спасибо чудесному коллективу издательства «Нортон» за их профессионализм, преданность работе и – в первую очередь – за доброжелательность. Благодарю всех, кто был так добр и подбадривал меня, работая со мной над разными проектами; отдельная благодарность – Молли Мэй, Нидью Пэррис, Голде Рэйдемахер, Дозье Хэммонд, Эуджени Пакалик, Биллу Русину и Дженн Чан.

Я в неоплатном долгу перед библиотекарями и архивариусами моей родной библиотеки, библиотеки Свема при колледже Вильгельма и Марии. Спасибо также терпеливым сотрудникам библиотеки Олдермена при Вирджинском университете, читального зала Восточной Азии при Колумбийском университете и Лондонской библиотеки.

Также хочу выразить благодарность моему агенту, Ричарду Хэн-шоу, которому удавалось справляться со всё более сложными задачами.

Здесь, в Вирджинии, Сара Парк создавала удивительно сложные карты, на которых видна вся многоликость средневековых государств. Я благодарю её за терпеливое отношение к моим изменчивым нуждам. Внимательный к деталям Джастин Мур смог отловить удивительное количество ошибок, прежде чем они дошли до читателей; его умение проверять факты на достоверность до сих пор меня восхищает. (Все оставшиеся в книге ошибки – на моей совести).

Ким Нортон, Джеки Вайлет и Молли Бауэр вели мои дела в Пис-Хилл, принимали звонки и электронные письма и экспромтом отвечали на вопросы, давая мне возможность спокойно уехать и поработать. Сюзанна Хикс упорядочивала график моих поездок, и они протекали без запинки.

Чжэ Цюань, Кевин Стиллы и Том Джексон читали ранние версии рукописи и делились со мной своими ценными мнениями. Джонатан Гандерлах проверил все узкие места, одновременно взяв на себя трудоемкий процесс получения разрешений на публикацию.

Мой корейский издатель, «Теори энд Праксис», принял в Корее меня с двумя старшими сыновьями, позволив мне заняться исследованием их корейской истории на месте. Искренне благодарю их за щедрое гостеприимство, как и Ей Лан Хан из Корейского Литературного агентства за ее неоценимую помощь и дружбу.

Борис Фишман присоединился к команде почти в конце проекта, когда мои нервы были на пределе – и совершил чудеса, распутывая остававшуюся неразбериху с разрешениями.

Мои родные и близкие не только пережили создание еще одной книги по мировой истории, но также сделали всё возможное, чтобы и я дожила до ее завершения. Спасибо Мэл Мур, Диане Уилер и Сьюзен Канингем за то, что я осталась (относительно) вменяемой. Боб и Хэзер Уайс взяли на себя бремя других моих публикаций, когда средневековье поглотило мою жизнь. Без моих родителей, Джея и Джесси Уайс, мой дом давно превратился бы в руины. Вырастающая, мои дети – Кристофер, Бен, Дэн и Эмили стали моими соавторами, помогая маме делать работу. Я нечасто говорю им «спасибо», но сейчас я им благодарна.

Но более всего я признательна своему мужу Питеру, который поддерживает меня, давая мне возможность делать любимую работу и одновременно жить реальной жизнью.

Sumus exules, vivendi quam auditores.
(Мы изгнанники, но живем и держаем.)

Часть первая Единство

Глава первая Единая Империя, единый Бог

Между 312 и 330 годами император Константин I Великий властвует в Римской империи и прилагает усилия, чтобы упрочить фундамент христианской церкви.

Утром 29 октября 312 года римский военачальник Константин вошел во врата Рима во главе своей армии.

Ему было сорок лет, шесть из которых он боролся за корону императора. Менее суток назад он наконец победил правящего Римом 29-летнего Максенция в битве у Мильвийского моста¹. Воины Константина пробили себе путь к Риму через мост, а побежденные сломали строй и бежали. Максенций утонул, утянутый на илистое дно реки весом собственного доспеха. Христианский историк Лактанций писал, что солдаты Константина вошли в Рим с символом Христа на каждом щите; римский² же писатель Зосима добавляет, что распухшую от воды голову Максенция несли надетой на копье. Константин выудил тело бывшего императора и обезглавил его.¹

Константин вошел в императорский дворец, чтобы инвентаризировать свою новую империю. Первым делом он взялся за бывших пособников Максенция, сразу же отдав приказ о немедленных казнях – впрочем, в разумных масштабах: жертвами нового режима² стали лишь «ближайшие друзья» Максенция. Константин уничтожил преторианскую гвардию – личную гвардию римских цезарей, поддерживавшую Максенция на троне. Кроме того, он упаковал голову Максенция и отправил ее на юг, в Северную Африку, в качестве послания тамошним сторонникам молодого правителя, показывая, что пришло время поменять союзников. Затем он взялся за соправителей бывшего императора.

Победа над Максенцием принесла ему корону – но не всю империю. Тридцатью годами ранее его предшественник Диоклетиан ввел должность соправителя для совместного управления обширными римскими владениями, и эта породила сложный порядок преемственности власти. Двое соправителей и поныне вели дела империи. Лициний происходил из семьи крестьян и сделал карьеру в армии; теперь он боролся за титул императора в центральной части империи, на восток от Паннонии и на запад от Черного моря. Максимин Даза, также крестьянин по рождению, правил на востоке, постоянно находясь под угрозой со стороны агрессивной Персидской империи³.

Будучи идеалистом, Диоклетиан разработал систему, ограничивавшую возможность сосредоточения всей власти в одних руках. Но он не учел, сколь велика может быть жажда вла-

¹ Каменный арочный мост через реку Тибр в 3 км к северу от Рима на Фламиниевой дороге, проложенной в I веке до н. э. и соединявшей Рим с Арминумом (современный Римини) на Адриатическом море. Из-за разночтений в римском написании иногда именуется Мульвийским или даже Мульвиевым мостом, ныне известен как Ponte Milvio. (Прим. ред.)

² В исторических документах позднего периода Римской империи граждан Рима обычно разделяют на христиан и язычников, под «язычниками» подразумевая «не-христиан». У этого подхода два недостатка: во-первых, такое простое деление не учитывало богатый национальный состав тогдашнего общества; во-вторых, ярлык «язычник» в последние годы оброс совершенно другими ассоциациями. Я решила избегать этого понятия. Зосима, которого часто называют «языческим историком», исповедовал старую римскую религию, поэтому я и назвала его «римлянином». (Прим. авт.)

³ Его владения включали в себя Паннонию, Дакию, Фракию и Македонию. (Прим. авт.)

сти. Константин не желал делить свои полномочия с кем-либо, но был слишком умён, чтобы развязать сразу две войны. Он договорился с более могущественным Лицинием, чьи земли находились ближе, чем территории Максимиана, и сделал его своим союзником. В свою очередь, почти шестидесятилетний Лициний должен был жениться на сводной сестре Константина, восемнадцатилетней Констанции.

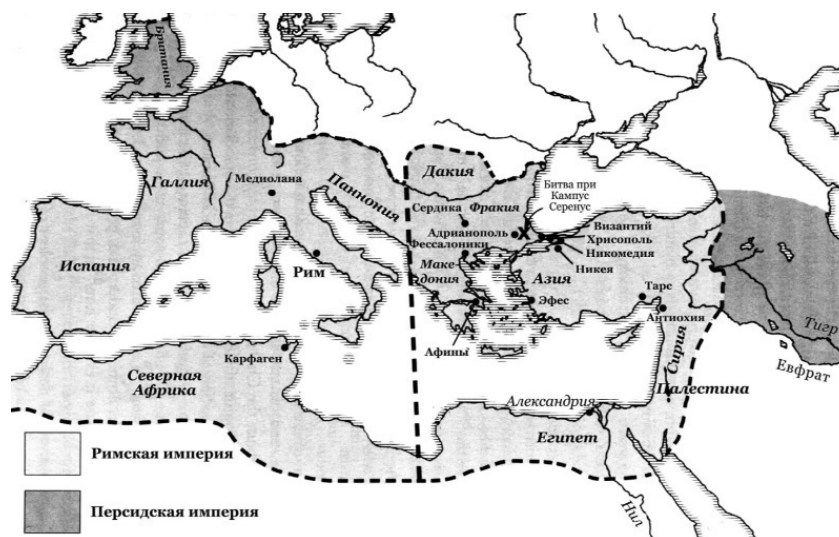
Лициний с радостью откликнулся на предложение. В качестве первого шага навстречу будущему шурина он сошелся в бою с Максиминианом 13 апреля 313 года, через пол года после вступления Константина в Рим. В войске Лициния было менее 30 тысяч солдат, а Даза собрал 70-тысячную армию. Но, как и воины Константина, люди Лициния шли под знаменами христианского Бога. Эта идея вдохновляла солдат; поскольку Максиминиан Даза поклонялся именем Юпитера выместить христианство из своих владений; присутствие христианских символов превратило борьбу за власть в священную войну.

Войска встретились в местности под скромным названием Кампус Серенус («Чистое поле»), за чертой города Адрианополя, и меньшая по численности армия Лициния победила армию Максимиана. Даза бежал переодетым, но Лициний последовал за ним в его азиатские владения и наконец нагнал в городе Тарсе. Не видя возможности спастись, Максиминиан Даза принял яд. К несчастью, перед этим он съел обильный последний ужин, и это растянуло действие яда. Историк Лактанций пишет, что император умирал четыре дня:

«Действие яда было отторгнуто вследствие переполненности желудка, и он не мог подействовать сразу, но вверг его в длительный недуг, сходный с чумой, так что прежде чем испустить дух, он испытал разнообразные и жестокие страдания... От мучений столь тяжких он бился головой о стены, и глаза его вылезли из орбит. Только тогда, утратив зрение, он начал видеть Бога, осуждающего его, в сопровождении свиты, одетой в белое.... Затем, вопя так, как будто его жгли, он испустил свой нечестивый дух, приняв ужасную смерть».³

Но это была не последняя ужасная смерть. Лициний убил двух младших детей Максимиана Дазы (обоим не было и девяти лет) и утопил их мать, а также приказал казнить трех других возможных кровных наследников восточного трона. Все они были детьми умерших императоров.

Константин считал благоразумным проигнорировать эту резню. Оба правителя встретились в Медиолануме (нынешний Милан), чтобы отпраздновать свадьбу Лициния и Констанции и узаконить христианство во всей империи. Это было необходимо, поскольку оба императора доказывали своё право на власть, прикрываясь именем Божиим.

Римская и Персидская империи

На деле во всех частях империи, кроме востока, христианство было разрешено уже несколько лет. Однако официальный документ – Миланский эдикт – распространил покровительство христианству и на бывшие земли Максимиана Дазы.

«Никому нельзя отказывать в возможности по велению сердца следовать соблюдаемой христианами вере, и отныне каждый из желающих соблюдать религию христиан может делать это свободно и беспрепятственно, без всякого для себя стеснения и затруднения... Другим также предоставлена, ради спокойствия нашего времени, подобная же полная свобода в соблюдении своей религии, так что каждый имеет право свободно избрать и почитать то, что ему угодно; это нами постановлено с тою целью, чтобы не казалось, что нами нанесен какой-либо ущерб какому бы то ни было культу или религии».

Имущество, ранее отнятое у христиан, следовало возвратить. Все христианские храмы отдавались во владения христианской церкви. «Да будет повеление наше выполнено, – говорилось в заключение эдикта, – дабы, как выше замечено, Божественное к нам благоволение, в столь великой мере уже испытанное нами, и впредь содействовало нашим успехам и благополучию державы».⁴

По заявлению Лактанция, Константин был слугой Божиим, а его враги были низвергнуты самим Божиим судом. Евсевий, христианский священник, написавший биографию Константина, разделял эту точку зрения: Константина он считал «возлюбленным чадом Божиим», несшим знание о Сыне Его народу Рима.⁵

Евсевий был другом Константина, а Лактанций преподавал риторику и чуть не умер от голода, пока Константин не нанял его придворным учителем и не изменил его судьбу. Но творения этих историков продиктованы не только желанием выслужиться перед императором. Оба понимали, возможно, даже раньше, чем к этому пониманию пришел Константин, что христианство – наилучшая для империи возможность выжить.

Константин смог возвыситься при наличии нескольких императоров; он уже избавился от двух соперников из трёх, а дни Лициния были сочтены. Но над империей нависла более серьезная угроза. Столетиями она была государством, провинции, округа и города которого придерживались собственных традиций, сохраняя свою идентичность. Таре был римским – но также и азиатским городом, где греческий звучал на улицах чаще латыни. Северная Африка была римской – но Карфаген являлся в первую очередь африканским городом, населенным

африканцами⁴. Галлия принадлежала Риму – но германские племена, занявшие эти земли, говорили на своих языках и почитали своих богов. Римская империя позволяла людям это двойное гражданство – римское и *другое*, – но центробежная сила *другого* была столь сильна, что границы империи едва сдерживали его напор.

Константин украсил свои флаги крестом не затем, чтобы завоевать верность христиан. Как заметил русский историк А.А. Васильев, было бы смешно строить политическую стратегию на «одной десятой населения, в то время не принимавшей участия в политических делах».⁶ Константин не менял вероисповедания. Он продолжал чеканить на своих монетах изображение «Непобедимого солнца» – солярного божества; он до самой смерти оставался *великим понтификом*, верховным жрецом государственного культа Рима; он противился крещению вплоть до 336 года, когда понял, что умирает.⁷

Но в христианстве Константин видел новый удивительный способ познания мира, а в христианах – то, какими должны стать римляне, объединенные верностью чему-то большему, чем их народные обычаи, но не противоречащему им. Практически невозможно быть одновременно римлянином и вестготом, или же всем сердцем быть и римлянином, и африканцем. Христианином же можно быть, сохраняя своё национальное самосознание. Христианин мог быть и греком, и латинянином, и рабом, и свободным человеком, и евреем, и гоем. Христианство началось как религия без политической родины – а это означало, что его с легкостью могли принять в империи, которая периодически поглощала чужие родины. Внедрив христианство в Римскую империю, Константин мог объединить раздробленное государство именем Христа, которое могло помочь ему одержать победу там, где терпели поражения такие фигуры, как Цезарь и Август.

Намереваясь получить желаемое, Константин полагался не только на имя Христа. В 324 году Лициний предоставил ему чудесный повод для устранения соправителя: восточный властитель обвинил христиан своего двора в шпионаже на западного коллегу (а так оно, без сомнения, и было) и прогнал их вон. Константин немедленно объявил, что Лициний преследует христиан – а это, согласно Миланскому эдикту, было противозаконно, – и двинул армию на восток.

Императоры встретились дважды: в первый раз в Адрианополе, где сам Лициний когда-то одержал победу над бывшим восточным императором Максимином Дазой, и – в последний раз – двумя месяцами спустя, 18 сентября, под Хрисополем. В этой финальной битве Лициний был полностью разгромлен и согласился сдаться.⁸ Константин пощадил его жизнь, поскольку за мужа вступилась Констанция; вместо казни Лициния выслали в Фессалоники.

Так Константин стал единоличным правителем Римской империи.

Первое, что он сделал в роли единого императора – постарался обеспечить единство христианской веры. Христианство послужило бы дурным подспорьем власти, если бы раскололось на враждующие фракции – а такая опасность существовала. Уже несколько лет подряд среди руководителей христианской церкви в разных частях империи споры о природе вочеловечивания Иисуса Христа велись во всё более резком тоне, и этот спор достиг своей пиковой точки⁵.

С начала своего появления христианская церковь утверждала, что Иисус соединяет в себе и людскую, и божественную природы: фраза «Иисус есть Бог», как пишет Дж. И. Д. Келли, была самым ранним и основным символом веры в христианстве. Христос, если верить раннехристианским теологам, был «неделимым целым», «совершенным Богом и совершенным человеком».⁹ Это всё равно что наполнить бокал до краев одновременно двумя разными жидкостями. Христиане боролись с этим парадоксом с самого начала существования христианства.

⁴ Автор, видимо, имеет в виду, что Карфаген находился на африканском континенте. Называть «африканцами» его население, в основном состоящее из племен семитского происхождения, не слишком корректно. (*Прим. ред.*)

⁵ Вочеловечивание Иисуса Христа – основной символ веры христианства: Бог спустился на землю в образе Иисуса Христа. (*Прим. авт.*)

Игнатий Антиохийский, погибший на римской арене около 110 н. э., создал кафолическую доктрину христианства, сведя воедино несовместимые противоположности: *«...есть только один целитель, телесный и духовный, рожденный и не рожденный, Бог во плоти, в смерти истинная жизнь, от Марии и от Бога, бестелесный в теле, бесстрастный в страстном теле, бессмертный в смертном теле, живой во тлении»*.¹⁰

Но другие голоса предлагали другие варианты. Уже во II веке эбиониты предположили, что Христос, в сущности, был человеком, а его «божественность» заключалась лишь в том, что он был избран стать еврейским Мессией. Друга ересь, известная как докетизм, переняла греческую идею о неотъемлемой нечистоте материи¹¹ и настаивала на том, что Христос не мог по-настоящему воплотиться в бранным теле – он был духом, лишь кажущимся человеком. Гностики превзошли докетов: они верили, что бог-Христос и человек-Иисус заключили кратковременный союз, чтобы спасти человечество от нечестивой хватки материального мира⁶. А пока Константин и Лициний сражались за корону, христианский священник по имени Арий начал проповедовать еще одну доктрину: поскольку бог един, *«до и после Бога нет и не было других богов, Бог всемогущ, Бог знает все, Бог всеблаг, Бог суверенен»*, то Сын Божий должен быть творением его. Возможно, он отличался от других творений – но не мог быть носителем божественной сути.¹²

Арий, служивший в египетском городе Александрии, собирал вокруг себя последователей, крайне досаждая местному епископу⁷, который в итоге отлучил Ария от церкви. Это создало потенциально серьезный раскол, который мог отделить большое количество христиан от основной массы верующих. Константин, узнав о расколе, послал в Египет письмо, в котором настоятельно советовал двум спорщикам успокоиться и разобраться со своими разногласиями. Он написал: *«Верните мне мои тихие дни, мои беззаботные ночи, и пусть жизнь отныне будет радовать меня покоем»*.¹³

Но ни епископ, ни Арий не собирались уступать, и Константин в отчаянии созвал совет руководителей церкви, чтобы обсудить этот вопрос. Сначала он хотел провести этот совет в городе Никомедии, но, когда епископы были уже в пути, в городе случилось сильное землетрясение. Многие дома были разрушены, сотни людей погибли на месте, огонь от очагов и жаровен перекинулся на сухие деревянные конструкции домов и распространялся так быстро, что вскоре город стал, по словам Созомена, *«сплошной массой огня»*.¹⁴

Столь внезапное и разрушительное событие натолкнуло многих на мысль о том, что Бог недоволен грядущим советом, и епископы приостановили свое странствие, отправив императору: запрос: отменит ли он совет? Следует ли им продолжить путь?

Убежденный богословом Василием в том, что землетрясение было не карой Божьей, но попыткой дьявола помешать съезду священнослужителей и решению вопросов церкви, Константин ответил, что епископам следует направиться в Никею, куда они и прибыли поздней весной 325 года, готовые к переговорам.

Решение теологических вопросов на соборе не было для христианства чем-то новым. Еще со времен апостолов местные христианские общины считались лишь частями целого, а не отдельными объединениями. Но никогда прежде император, даже столь толерантно настроенный, не созывал представителей церкви, пользуясь собственными полномочиями.¹⁵ В 325 году в Никее христианская церковь и правительство Запада объединили усилия.

⁶ К «гностическим» относится невообразимое количество религиозных объединений и течений; обычно гностической называют религию, декларирующую стремление к наивысшему знанию (gnosis – *знание*), доступном лишь немногим избранным. (Прим. авт.)

⁷ С первых дней христианства у каждой общины был свой глава, «надзирающий» (episkopos) или епископ, несший полную ответственность за всю паству. В IV веке в каждом городе, где исповедовалось христианство, был свой епископ, представлявший интересы всех христиан данной географической области. (Прим. авт.)

Можно удивляться, почему Константин, спокойно совмещавший веру в Аполлона и открытую декларацию христианства, столь беспокоился о точном определении божественности Христа. Скорее всего, его интерес в этом деле был не религиозным, а сугубо практическим: он не желал допустить раздробленности церкви. Раскол мог стать угрозой христианской модели общества, в которой Константин видел возможность удержания вместе разных групп людей под знаменем верности чему-то всеобъемлющему. Если это всеобъемлющее начало даст трещину, модель станет бесполезна для империи⁸.

Возможно, этим и объясняется его решение выступить против арианства. Изучив настроения наиболее влиятельных церковников, император понял, что самые уважаемые епископы не согласны с верованиями Ария. Арианство создавало пантеон божеств с Богом-Отцом во главе и Богом-Сыном в роли демиурга, стоящего в небесной иерархии на ступеньку ниже. Таким образом, анафема была объявлена и иудейским корням христианства, и греческому платонизму, процветавшим почти во всей восточной части империи.

Под руководством влиятельнейших епископов и самого императора священнослужители, подталкиваемые к анти-арианству, составили формулу вероисповедания, почитаемую в христианской церкви до сих пор – Никейский символ веры, утверждавший христианскую веру

«во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всех видимых и невидимых; И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия единородного, рожденного от Отца, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша, яже на небеси и на земли».

Эта формула настаивала на божественной природе Христа, делая арианство неприемлемым для канона.

На этом документе стояла императорская печать. Поставив свой знак на христианстве, Константин изменил его. Необъяснимый мистический опыт Константина на Мильвийском мосту очень помог ему. Но необъяснимый опыт мало чем мог помочь при объединении людей во имя одной цели на долгое время – а империя в те дни держалась на тонкой паутине связей и нуждалась в христианской церкви для улучшения внутренней организованности, порядка и рациональности.

Христианам, в свою очередь, не было чуждо ничто человеческое – а Константин предлагал им печать имперской власти. Константин давал церкви все возможные преференции. Он признал христианских священнослужителей равными жрецам римской веры, избавил их от налогов и государственных обязанностей, которые могли помешать исполнению религиозного долга. Также он предписал, что любой человек может передать свою собственность церкви; по мнению Васильева, это сразу превратило «христианские общины» в «юридические лица».¹⁶

Еще плотнее связав свою власть с будущим церкви, император также начал возводить новый город, где с самого начала должны были стоять церкви, а не римские храмы. Константин принял официальное решение перенести столицу империи из Рима с его богами в старый Византий, прибрежный город, отстроенный по христианскому образцу и стоящий на пути в Черное море.¹⁷

Неожиданно понятие «христиане» стало чем-то большим, нежели религиозная принадлежность. Оно стало юридическим и политическим объединением граждан, – чем не было, когда Константин впервые решил выйти на бой под знаменами с крестом. Как и империя Кон-

⁸ В философии платонизма не было места ранжированию существ сугубо божественной природы, которые все принадлежали бы божественному царству (царству Идеала), но были бы при этом менее идеальны, чем другие им подобные. (Прим. авт.)

стантина, христианская церковь собиралась надолго задержаться на этой земле; как и Константин, она желала обезопасить своё будущее.

После осуждения на Никейском соборе Арий решил не испытывать судьбу и укрылся в Палестине, на далекой восточной окраине империи. Однако неожиданно родная сестра Константина стала поборницей доктрины Ария, не подчинившись приказу брата принять Никейский символ веры как единственный ортодоксально христианский.¹⁸

Возможно, поступая так, она руководствовалась обидой. Ведь в 325 году, через несколько месяцев после Никейского собора, Константин нарушил данное её мужу Лицинию обещание быть к нему милосердным и повесил его. Не желая оставлять живых претендентов на свой трон, Константин отправил на виселицу даже десятилетнего сына Констанции, собственного племянника.

Четыре года спустя он официально объявил Византий новой столицей – Новым Римом своей империи. Несмотря на протесты римлян, он снял памятники из великих городов старой империи – Рима, Афин, Александрии, Антиохии, Эфеса – и установил их среди новых церквей и улиц. Он приказал высокопоставленным римлянам переехать в новый город вместе с домохозяевами, имуществом и титулами.¹⁹ Он создавал Рим заново таким, каким его видел, под сенью креста. Фигура Даниила во львиной яме – человека, столкнувшегося лицом к лицу со смертельной опасностью во имя своего Бога – украшала фонтаны на городских площадях; изображение Страстей Христовых, инкрустированное золотом и камнями, было размещено на фронте императорского дворца.²⁰

К 330 году стремление Константина установить единую империю, единую правящую семью и единую религию возымело успех. Но пока Новый Рим праздновал, старый Рим кипел от негодования из-за утраты своего статуса. Кафолическая церковь, созданная Константином в Никее, держалась вместе лишь за счет тонкой нити императорского указа. Трое сыновей Константина не сводили глаз с империи отца – и ждали его смерти.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ К ГЛАВЕ I

Римская империя	
Диоклетиан (284–305)	
Максимиан (306–312)	
Лициний (308–324)	Максимиан Даза (308–313)
Битва на Мульвийском мосту (312)	
Константин Великий (312–337)	
Битва на Чистых Полях (313)	Миланский эдикт (313)
Никейский собор (325)	

Глава вторая

В поисках Небесного мандата

Между 313 и 402 годами династия Цзинь настойчиво стремится удержать Небесный мандат, а варвары с севера пытаются завладеть им

В то время как Константин объединял свои земли на западе, на востоке распадалось государство Цзинь. Его император, Цзинь Хуай-ди, был захвачен в плен и вынужден прислуживать своим захватчикам. В 313 году, двадцати шести лет от роду, он наливал вино своим хозяевам на их варварском празднестве, и жизнь его висела на волоске⁹.

Государство Цзинь было молодо, ему едва исполнилось пятьдесят лет. В течение столетий старая династия Хань объединяла китайские провинции в единое простирающееся во все стороны целое. Это был восточный аналог Римской империи. Но в 220 году н. э. старая династия пала вследствие мятежа и смуты. Империя распалась на три царства – Цао-Вэй, Шу-Хань и Дун-У («Троецарствие») – переняли наследие Хань. Но между ними шла постоянная борьба за власть, а границы их были нестабильны и крайне изменчивы.

Самым северным государством Троецарствия, Цао-Вэй, управляли военачальники. Правители, сидевшие на троне Цао-Вэй, были молоды, их было легко запугать, и они делали всё, что им скажут. В 265 году 29-летний генерал Сыма Янь решил заполучить корону Цао-Вэй. Всю жизнь он смотрел на то, как множество людей дергает за ниточки правителя-марионетку. Командующие армией Цао-Вэй, включая его отца и деда, уже захватили соседнее царство, Шу-Хань, сократив количество царств до двух. Теперь Цао-Вэй доминировало на севере, но его диктатор все еще оставался некоронованным.

В отличие от своих предшественников, Сыма Янь не собирался удовлетвориться карьерой кукловода. Он уже имел власть, но ему хотелось стать законным властителем, чтобы титул подкрепил силу меча.

Согласно «Троецарствию», наиболее известной хронике времен после падения династии Хань, Сыма Янь опоясался мечом и пошел на встречу с императором – юным Цао Хуаном (он же Вэй Юань-ди), внуком основателя государства.

– Чьими усилиями государство Цао-Вэй сохранило целостность? – спросил он, на что молодой император, осознав, что его зал для аудиенций полон сторонников Сыма Яня, ответил:

– Мы всем обязаны твоему отцу и деду.

– В таком случае, – сказал Сыма Янь, – понятно, что вы не можете защитить государство самостоятельно, а потому должны уйти и назначить на своё место того, кто сможет.

⁹ Имя этой династии может транскрибироваться и как *Jin*, и как *Chin*, первое – в системе пиньинь. В предыдущей книге я стремилась использовать принятую ныне в Китае транскрипцию пиньинь – за исключением тех случаев, когда общепринятым является иное написание и использование непривычной транскрипции внесет ненужную путаницу. Например, река Янцзы (*Yangtze*) в транскрипции пиньинь превратится в Чан Цзянь (*Chang Jiang*), однако я предпочла сохранить привычное для читателя «латинизированное» написание. Говоря о каждом императоре, я использую лишь одно имя. Обычно до момента восхождения на престол китайских императоров звали по имени, данному при рождении; после правитель брал имя императорского рода. После ухода из жизни императорам давали посмертные имена, а в эпохи после династии Хань они стали часто получать еще и храмовые имена. Кроме того, некоторые правители были известны под взрослыми именами (данными им при совершеннолетии как символ зрелости). Это может запутать большинство читателей, поэтому, как правило, я использовала императорские имена правителей, даже когда писала о временах до их восхождения на трон. Для легкости понимания в качестве приставки к имени каждого императора я использовала название его династии, хотя такое наименование не является традиционным, когда речь идет о некоторых династиях и императорах, которых мы перечислим ниже. Императора Хуай-ди из династии Цзинь я называю Цзинь Хуай-ди; имя императора Сюань-цзун из династии Тан буду писать как Тан Сюань-цзун. (Прим. авт.)

Возразить осмелился лишь один придворный; как только он замолчал, сторонники Сыма Яня избили его до смерти.

«Троецарствие» – это роман, хроника полная вымыслов и бесшабашных выходок, написанная многие столетия спустя. Однако хроника эта отражает реальные события, сопутствовавшие восхождению династии Цзинь. Цао Хуан согласился уступить Сыма Яню, и тот воздвиг башню для церемонии отречения. Был проведен тщательно подготовленный формальный обряд, в процессе которого Цао Хуан поднялся на башню с императорской печатью в руках, передал её сопернику и спустился на землю обычным человеком.

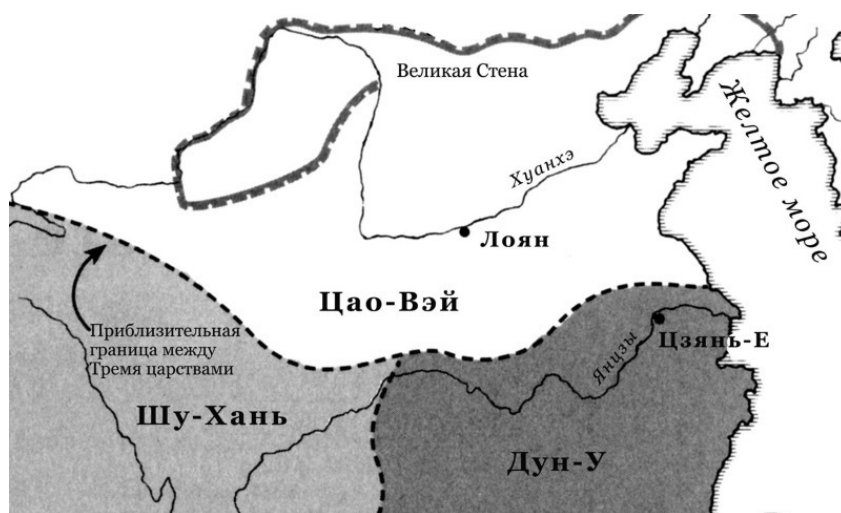
В тот день все чиновники страны вновь распростерлись перед алтарем, чтобы принять это отречение, и громко воскликнули: «Да здравствует новый император!»¹

Церемония сделала Сыма Яня законным правителем, посланным богами императором, носителем Небесного мандата. Цао Хуан, лишившись мандата, зажил обычной жизнью. Он тихо скончался через несколько лет.

Сыма Янь взял императорское имя Цзинь У-ди и стал основателем новой династии, Цзинь. К 276 году он настолько уверился в своей власти над империей, что начал захватническую кампанию против оставшегося царства, Дун-У.

Силы царства Дун-У истощались, поскольку его правитель был неразумен, а с годами стал нестерпимо жестоким. Его любимой игрой было пригласить во дворец на пир множество чиновников и напоить их – а у дверей поставить евнухов, которые всё записывали за придворными. На следующее утро он собирал несчастных чиновников, мучимых похмельем, в зале для аудиенций и наказывал их за каждое неосторожное слово.² Когда войска Цзинь подошли к столице царства Дун-У, Цзянь-Е, – местные жители были готовы радостно приветствовать завоевателей.

Эта история, взятая из официальных хроник династии Цзинь, возможно, говорит нам больше о самом Цзинь У-ди, нежели о его противнике. У-ди, отчаянно жаждавший быть законным правителем, знал историю. Он был в курсе, что в течение тысячелетий династии поднимались в добродетели и нисходили в пороке. Императоры правили по воле Неба, но, если они становились деспотичными и безнравственными, воля Неба порождала другую династию, чтобы та заняла их место. У-ди хотел, чтобы не столько сила, сколько закон помог ему править в царстве У.

Троецарствие

Но всё же в город его провела именно сила. Войска Цзинь, планируя сделать последний переход до Цзянь-Е по реке, обнаружили, что их путь преграждают железные цепи. Тогда они

отправили по реке к этой преграде горящие плоты, связанные из просмоленных бревен. Цепи расплавились и порвались – и солдаты Цзинь наводнили Цзянь-Е.³ Деспотичный правитель сдался. Эпоха Троецарствия подошла к концу, к 280 году весь Китай был объединен под эгидой династии Цзинь.⁴

Эта империя едва просуществовала полвека.

Цзинь У-ди умер в 290 году, оставив трон в наследство старшему из сыновей, которого подданные с отвращением называли «даже не полудурок». Еще неразумнее было то, что он оставил в живых остальных сыновей, которых набралось двадцать четыре (поскольку чрезмерно увлекался общением с женами и наложницами), и каждому из них пожаловал тот или иной титул.⁵ Не удивительно, что тотчас же вспыхнула война. Жена, тесть, названный дедушка, дядя, двоюродные и родные братья – все стремились контролировать недоумка, сидевшего на троне.

Хаос, поглотивший империю Цзинь с 291 по 306 год, позже стал известен как Война восьми князей. Хотя за власть боролось значительно больше августейших родственников императора, лишь восемь из них добились должности регентов при сумасшедшем императоре, фактически передававшей корону в их руки.

Среди этого хаоса сам император дожил до 306 года. В конце концов неизвестный наемный убийца оборвал его ничтожную жизнь с помощью тарелки с отравленными пирожными.⁶

После его смерти фракция, поддерживавшая его самого младшего сводного брата, смогла короновать своего кандидата. Новый император, Хуай-ди, начитанный, образованный и разумный молодой человек, не намеревался потакать своим страстям и устанавливать тиранию. Но он оказался в суровых условиях. Война восьми князей истощила его империю до чрезвычайной хрупкости, а всевозможные претенденты на трон всё еще крутились неподалеку, и за их спинами стояли личные армии. Имелась также угроза с севера, где объединение крохотных государств, управляемых военачальниками, смогло завоевать крупную соседнюю страну. Китайцы Юга именовали этот конгломерат «Шестнадцать варварскими царствами», хотя количество стран в нем постоянно менялось.

В итоге одно из варварских царств, Северная Хань, уничтожило истерзанную империю Цзинь. Войска Северной Хань упорно двигались на юг, разграбляя земли Цзинь. К 311 году они подошли под стены столицы Цзинь, города Лоян. Измученный гражданской войной Лоян не был готов противостоять захватчикам. За пределами городских стен воины Цзинь с десятков раз сходились в отчаянном бою с воинами Северной Хань – но в городе люди умирали от голода, и в итоге городские ворота были открыты.

Цзинь Хуай-ди бежал в надежде найти убежище в городе Сиань, но был пойман по дороге и в качестве военнопленного доставлен в новую столицу разросшейся Северной Хань, город Пиньян.⁷

Там Лю Цун, правитель Северной Хань, одел его в одежды раба и заставил прислуживать и подносить вино на царских пиршествах. Хуай-ди провел два горьких года в положении раба, но гостей дворца шокировало то, что человек, владевший Небесным мандатом, вынужден прислуживать. Правда, мандат этот достался ему путём силы и интриг, но это не имело значения: осужденность волей Небес все еще оправдывала его. При дворе Лю Цуна ширилось мнение, что Цзинь Хуай-ди нужно освободить. В ответ Лю Цун, уже доказавший, что его меч сильнее мандата Хуай-ди, просто казнил императора Цзинь.⁸ Три года спустя он двинулся на Сиань, где собрались уцелевшие придворные династии Цзинь, и захватил его.

Так закончилось короткое владычество Цзинь. Но сама династия Цзинь выжила. Сыма Жуй, еще один отпрыск рода Цзинь, командовал сильным орядом Цзинь, размещенным в городе Цзянкан. Он был самым могущественным из всех полководцев империи, и после гибели императора Цзинь солдаты провозгласили его императором. Он взял императорское

имя Цзинь Юань-ди. Хотя правление самого Сыма Жуя оказалось недолгим, его сын и внуки создали непрерывную родовую линию императоров, правивших из Цзянкана сильно усохшими юго-восточными территориями¹⁰.

Ни Северная Хань, ни другие варварские государства не пытались добить династию Цзинь – возможно, потому, что земли на юг от Янцзы не были пригодны для верховой езды (любимый способ передвижения северян, унаследованный ими от предков-кочевников). По мнению же людей Цзинь, отныне границу между *настоящим* Китаем и северными варварскими землями отмечала река.

Хотя история империи Цзинь была коротка, её императоры пытались доказать, что Небесный мандат принадлежит им, тщательно поддерживая огонь в очаге древней китайской цивилизации. Этикет при цзянканском дворе строился на традициях народа Хань. Были восстановлены обычаи предков, сошедшие на нет в хаосе гражданской войны. В фаворе оказались философы, проповедовавшие конфуцианство и традиционно учившие, что просветленным станет тот, кто осознал свои обязанности и достойно их выполняет. По словам Конфуция, добродетельный правитель будет завоевывать всё больше власти над своим народом – а власть морали, как учил Конфуций, будет, как ветер, разлетаться от благочестивого правителя, склоняя его подданных в смирении, как ветер клонит травы.

Династия Цзинь

В соответствии с этими поучениями правители Восточной Цзинь стремились жить праведно и чтить древние ритуалы. «Если править людьми при помощи добродетели, – утверждали «Аналекты» Конфуция¹¹, – и поддерживать порядок при помощи ритуалов, люди... изменятся». ⁹ Вера в то, что благочестивое правительство будет всегда побеждать, поддерживала двор Цзинь даже после победы северных варваров.

¹⁰ Династия Цзинь правила в Цзянкане [англ. *Jianye* или *Jiankang*, он же нынешний Нанкин – Прим. пер.] с 265 по 420 год; поздней период правления Цзинь, когда ее силы были отброшены на юго-восток, известен под именем Восточная Цзинь (317–420). Иногда ранние годы правления династии (265–316) именуют также Западной Цзинь, чтобы различать две эти эпохи. (Прим. авт.)

¹¹ Так автор, в соответствии с европейской традицией, называет «Беседы и суждения» (Лунь Юй). Заметим, что обозначение это заведомо неправильное, ибо *аналектами* в греческой традиции именовались подборки цитат и ссылок, иногда – поэтические сборники, но в любом случае – выдержки из чужих, а не своих мыслей и трудов. (Прим. ред.)

Само определение «варвар» было относительным. Чем сильнее представители Цзинь пытались обособиться от нецивилизованных северных народов, тем сильнее эти дикие воины стремились стать похожими на представителей Цзинь.

Во второй половине IV века самым амбициозным из северных варваров был Фу Цзянь II, император Ранней Цинь. Фу Цзянь II хотел стать истинным китайцем. Он основал в своем государстве конфуцианские школы и реформировал правительство по китайским законам. Его столицей был древний китайский город Чанъань, а его главный министр, безжалостный Ван Мэн, был китайцем.¹⁰

Унаследовав трон в Чанъане в 357 году, Фу Цзянь II тут же начал последовательные действия против соседей из других Шестнадцати царств. После двадцати лет борьбы он захватил их почти все, практически объединив север Китая под единой властью; он намеревался также поглотить и Цзинь.

В 378 году армия северян вышла из Чанъаня и двинулась к границам государства Цзинь. Император Цзинь, Сяо У-ди, оказал сопротивление, но постепенно в течение нескольких лет по одному потерял все свои приграничные города. В 382 году Фу Цзянь II был уже готов нанести из Чанъаня решающий удар. Он выступил на юг с войском колоссальных размеров – если верить летописям тех дней, в нём было 600 000 пехотинцев и 270 000 конников; в любом случае эта историческая гипербола указывает на армию небывалых размеров.¹¹

Правитель Цзинь, Сяо У-ди, повел на север значительно уступавшую в размерах армию, собираясь отчаянно защищать сердце своей страны. Армии столкнулись на ныне высохшей реке Фэй-шуй в легендарной битве, ставшей одной из самых известных в китайской истории. «Мертвых было так много, – пишет одна из хроник, – что павшие служили подушками друг другу».¹²

К взаимному изумлению обоих правителей, победила меньшая армия Цзинь. Это поражение положило конец попыткам Фу Цзяня II воссоединить Китай. Ему так и не удалось переделать свое государство на китайский манер, оно держалось лишь благодаря мечу. Каждая завоевательная кампания все больше истощала страну. «Вы вели так много войн, – сказал императору один из его советников перед вторжением в земли Цзинь, – что ваши люди недовольны; им противны даже мысли о борьбе». После того, как Фу Цзянь II впервые потерпел поражение, он стал терять захваченные территории из-за бунтов и мятежей. Через два года после поражения на реке Фэйшуй он был задушен одним из собственных подчиненных.¹³

Убийцу звали Тоба Гуи. Как и Фу Цзянь, он был северянином. Его предки были кочевниками из племени сяньбэй. Само имя Тоба свидетельствовало о его «варварском» происхождении. Его родное государство, Дай, было завоевано Фу Цзянем II десятью годами ранее; дед его был местным князем, пока Фу Цзянь II не сделал Дай частью своей, в то время разраставшейся, северной империи.

Теперь Тоба Гуи провозгласил независимость Дай. Он сменил название страны с Дай на китайское Бэй Вэй¹², а вместо родового имени Тоба взял китайское имя Юань. Обзаведясь китайскими регалиями, он начал собственную кампанию по завоеванию и объединению севера.

А тем временем армия Цзинь на своих границах столкнулась с еще одним вызовом. Около 400 года разбойник по имени Сунь Энь начал набирать команду из моряков и рыбаков, живших на побережье.¹⁴ В течение двух лет этот пиратский флот бороздил прибрежные воды, нападая и грабя, чем заработал себе среди населения побережья имя «армии демонов». Император Цзинь возложил задачу уничтожения пиратов на своих военачальников, которым в 402

¹² То есть «Северная Вэй» – для того, чтоб отличить ее от другого, существовавшего ранее, государства, также носившего имя «Вэй». (Прим. авт.)

году удалось-таки разбить «армию демонов», но в процессе подавления мятежа военачальники получали всё больше власти.

Ослабление трона Восточной Цзинь, возрастающий уровень хаоса на северных границах и непрерывная смена власти на севере... Китай находился в состоянии постоянных перемен. Начало набирать силы монашеское движение, последователи которого демонстрировали отстраненность от царивших вокруг беспорядков.

Движение это восходило к самому Будде; считалось, что именно он создал первую общину монахов, отринувших то, что мешало их «пути к внутреннему совершенствованию».¹⁵ В начале V века монашество в основном сосредотачивалось вокруг нового культа Амитабхи. К 402 году два почитаемых ученых мужа – китайский философ Хунь-юань и индийский монах Кумараджива – уже широко распространили учение о Будде Амитабхе, «Безграничном Свете», что жил в Западном раю, в земле счастья, «в неоскверненном царстве, где возродятся все, кто верил в Будду».¹⁶

По сравнению с неопределенным и неприглядным настоящим Западный рай казался особенно чудесным. Он находился в стороне от воюющих северных государств и распадающейся Цзинь; монашеские общины, которые стали появляться в начале V века, старались отгородиться от всякой придворной политики. Вступить в монашескую общину означало отречься от мирской жизни, отдать всё своё личное имущество, отбросить все социальные связи, интересы и амбиции, соединяющие человека с культурой, обществом или государством за пределами монастыря. Но монастыри также представляли собой и убежище. Можно было не стремиться к самосовершенствованию – но обрести мир.

Последователи культа Амитабхи не имели ничего общего с мирской властью; сам Хуэй-юань редко покидал пределы монастыря – и его ученики разделяли с ним это бегство от внешнего мира.¹⁷ Их обычаи в корне отличались от обычаев христиан на Западе. Христианство начало служить нуждам императора. Но в стране Цзинь Хуэй-юань добился того, что буддийские монахи были избавлены от требования кланяться императору. Они избрали бытие в другой реальности, где ни северные битвы, ни южные войны не имели никакого значения.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ К ГЛАВЕ II

Римская империя	Китай
	Падение династии Хань (220) и возникновение Троецарствия: Цао-Вэй, Шу-Хань, У
	Цао Хуан (Вэй Юань-ди) (260–265)
	Гибель Шу-Хань (263)
	Падение Цао-Вэй. Возникновение государства Цзинь (265)
	Цинь У-ди (265–290)
	Гибель государства У (280)
	Объединение Троецарствия под владычеством Цзинь (280–316)
Диоклетиан (284–305)	
	Война восьми князей (291–306)
Максимиан (306–312)	Цзинь Хуай-ди (307–313)
Линций (308–324), Максимиан Даза (308–313)	
Битва на Мильвийском мосту (312)	Лю Цун, правитель Северной Хань (310–318)
Константин Великий (312–337)	
Битва на Чистых полях (313)	
Миланский эдикт (313)	
	Падение объединенной Цзинь (316)
	Цзинь Юань-ди (317–323)
Никейский собор (325)	
	Фу Цзинь II из Цзиньчана (337–385)
	Битва на реке Фэйшуй (383)
	Восхождение Северной Вэй (386)
	Тоба Гуй (386–409)

Глава третья

Империя Мудрости

Между 319 и 415 годами династия Гупта превращает Индию в империю и дает вторую жизнь санскриту, дабы на нем воспевалось ее величие.

Пока правители Цзинь пытались восстановить своё государство на значительно уменьшившихся землях, а Константин управлял страной из нового города у Черного моря, Индия сама являлась морем войн между мелкими царствами и дикими племенами. Никакая религия или идея, ни один правитель не были в состоянии объединить эту мозаику из крошечных государств. Маурья, последняя династия, подчинившая себе большую часть полуострова, давно канула в Лету. Север Индии многократно завоевывали чужеземцы – греки, жители Центральной Азии и парфяне.¹

Целостность государства несколько дольше продержалась на юге, где династия Сатавахана контролировала Декан – пустынные земли на юг от реки Нарбада. К третьему веку государство Сатавахана также погибло, и на их место пришел целый ряд сражающихся за власть династий. Еще южнее относительно долго правила династия Калабхра, свыше трехсот лет удерживая власть в своих руках и подчинив себе весь южный край полуострова. Однако от этого царства не осталось ничего, кроме немногих надписей – никакой задокументированной истории. В остальных частях Индии мелкие государства теснились плечом к плечу, не совершая попыток заполучить больше земель, чем есть у соседа.²

В 319 году мелкий царек одного из множества подобных государств передал трон своему сыну. Нам известно имя отца – Гха-токача, но не вполне ясно, где находились его земли – возможно, в древней стране Магадха, в устье реки Ганг, либо чуть дальше на запад.

Единственным и главным достижением Гхатокачи было заключение брака между его сыном Чандрагуптой и принцессой из рода Ликчави, некогда правившего собственным небольшим государством и до сих пор контролировавшего земли к северу от владений Гхатокачи.³ Поэтому когда в 319 году Чандрагупта унаследовал трон отца, его владения оказались больше, нежели у прочих мелких царьков Индии – у него было не только собственное государство, но и союз с семьей супруги. Этого оказалось достаточно. Он начал войну и в следующие несколько лет прошел по Магадхе с боем через древние страны Косол и Ватса, создав небольшую империю со столицей на берегу Ганга. В награду за это он сам пожаловал себе титул *maharajadhiraja* – «Великий властитель над властителями», хотя эта формулировка несколько опережала реальные события.⁴

В 335 году Чандрагупта умер, и корона перешла к его сыну Самудрагупте. Под управлением Самудрагупты эта маленькая империя достигла того критического размера, который был необходим, чтобы попытаться расширить пределы ее власти на все земли Индии. За сорок пять лет своего правления Самудрагупта значительно увеличил владения, доставшиеся ему от отца, включив в своё царство почти все течение Ганга. Также он организовал военные походы на юг, в страны династий, еще не вошедших в полную силу. Эти династии (Паллава на юго-восточном побережье, Сатавахана в Декане, Вакатака на западе) были недостаточно сильны, чтобы дать отпор Самудрагупте, и одна за другой были вынуждены становиться его вассалами.

Правя из своей столицы Паталипутры, стоявшей там, где Ганг разбивается на рукава, Самудрагупта высек имена завоеванных им стран на одной из древних каменных колонн, установленных в прежние времена самим Ашокой Великим. Ашока поставил такие колонны по всей своей империи; на них были выбиты списки законов, позднее известных как «надписи Ашоки». Самудрагупта увековечил свои победы поверх слов Ашоки.

Самудрагупта явно *нуждался* в связи со славным прошлым. Он столкнулся со сложнейшей задачей – удержать обширную империю, населенную множеством мелких военачальников, царей и племенных вождей, упрямо державшихся за свою власть, свои родословные и свои национальные особенности. Константин пытался справиться с аналогичной проблемой, собрав свою империю воедино под знаком креста. Самудрагупта же разработал двухуровневую стратегию. Во-первых, он не настаивал на той степени власти и контроля, которой жаждал Константин. Он назвал себя «завоевателем четверти мира»⁵, – но чем ярче хвастовство, тем бледнее правда. Самудрагупта и вправду правил большими территориями, нежели владел до него любой индийский правитель – но он не был властелином в своей империи. Большинство «завоеванных» земель не подчинялись непосредственно ему: на севере и западе он выбивал дань из покоренных правителей, а после отзывал армии, позволяя местным царям и дальше править на своих землях, лишь номинально признав его владычество. Он даже не пытался подчинить наиболее упрямых полководцев независимых стран, например, завоевать земли племени Шака в Западной Индии, которыми владели потомки скифов, кочевых племен с северных берегов Черного моря.

Земель, на которых Самудрагупта имел полную власть, было совсем немного – при том, что его государство в самом деле являлось самым крупным со времен падения империи Маурья четырьмя столетиями ранее. Но в дни правления самого могущественного царя этой династии, Ашоки Великого, Маурьи контролировали почти весь полуостров. В противоположность этому империя Самудрагупты, занимавшая едва ли пятую часть земель на юг от Гималаев, представляла лишь бледную тень былой славы.

Однако когда Самудрагупта посчитал данников – соседние государства, согласившиеся ежегодно откупаться от него, – частью своих владений, его царство выросло втрое. Поэтому он решил не замечать разницы между понятиями «империя» и «страна, собирающая дань». Он считал, что покорил своих южных и западных соседей. Если бы Индии грозило чужеземное вторжение, такая империя, скорее всего, быстро развалилась бы. Но под защитой северных гор Самудрагупта мог позволить себе роскошь не держать завоеванные земли в кулаке. Он мог называться «императором» и не иметь из-за этого никаких проблем.

Под властью Гуптов в Индии настали времена, которые иногда называют золотой, а иногда – классической эпохой индийской цивилизации. Это название отсылает нас ко второму пункту стратегии Самудрагупты, частью которой были уже упомянутые древние колонны Ашоки Великого: царь сознательно использовал ностальгию по прошлому, пытаясь построить на этом основу притяжения между разными концами империи.

Правители династии Гуптов и раньше уже обращались к прошлому для подкрепления своей власти. В десятилетия, предшествовавшие правлению Самудрагупты, древний язык санскрит находил всё более широкое применение у философов, придворных, правительства и даже в сфере экономики. Санскрит появился в Индии давно – он просочился через горы от воинственных центральноазиатских племен, проникших на полуостров (их сородичи отправились на восток, в Персию, и стали персами)¹³. Как это случается с языками, санскрит видоизменился и смешался с другими наречиями, став родоначальником «бытовых языков», таких как *магадхи* и *пали*. Оба эти языка относятся к так называемым пракритам, или «простым наречиям».⁶ Но давно изменившийся язык неожиданно вернулся в своей изначальной архаической форме. К 300 году н. э. санскрит стал всеобщим языком письменности; во времена завоеваний Самудрагупты санскритом пользовались придворные, он был почитаем филосо-

¹³ Согласно мнению ряда ученых, прародиной индоевропейских языков является как раз территория нынешнего Ирана (Персии), откуда носители его разошлись по огромным просторам Евразии в разные стороны. Племена Центральной Азии были лишь промежуточным этапом этого процесса. (Прим. ред.)

фами и учеными.⁷ Индуистские писания (Пураны), своды законов, эпические произведения «Рамайна» и «Махабхарата» – все они были написаны на санскрите.

Хранителями санскрита были *брахманы*, образованные жрецы-индуисты, высший класс общества империи Гуптов. Буддизм также бытовал в Индии: буддисты ставили памятники и рыли пещеры, оставляя свой след на индийских ландшафтах. Но преобладание санскрита указывает на то, что брахманы обретались на вершине мира – по крайней мере, в Северной Индии.

Здесь важно объяснить, почему эпоха правления Гуптов, начавшаяся при Чандрагупте и достигшая пика при Самудрагупте, столь часто называется «золотой эрой» и «классическим периодом» индийской культуры. Ромила Тапар указывает, что использование обоих понятий одновременно представляется сомнительным, так как каждое из них имеет свое историческое определение. «Золотая эра» наступает, когда «буквально каждое проявление жизни достигает вершины совершенства», а «классический период» означает определенный уровень, после которого культура идет на спад. Чтобы подтвердить ту или иную из этих характеристик прошедшей эпохи, нужно, чтобы историки дали определение понятиям «совершенство» и «высота». Индуистские хронисты называли тот период временем расцвета индуизма и санскрита. Так что в этом смысле действительно была золотой.⁸

По сути, сами Гупты были не совсем индуистами – этот термин описывает более позднюю и сильно усовершенствованную систему мировоззрений. Они строили индуистские храмы и писали на санскрите, но также возводили буддийские ступы и поддерживали буддийские монастыри. Индуизм и буддизм, два религиозных учения, еще не враждовали, и Самудрагупта, довольствуясь номинальной властью над приграничными землями, политически не нуждался в жестком насаждении единственно верной религии.

Но официальные тексты двора Гуптов писались на санскрите, и Самудрагупта, проводивший индуистские обряды в походах, в ознаменование победы, использовал их в качестве элемента власти. Ему пригодилась связь своего правления и славного прошлого страны – известного, чтимого, победоносного. Правление Самудрагупты было отмечено ностальгией и консервативностью.

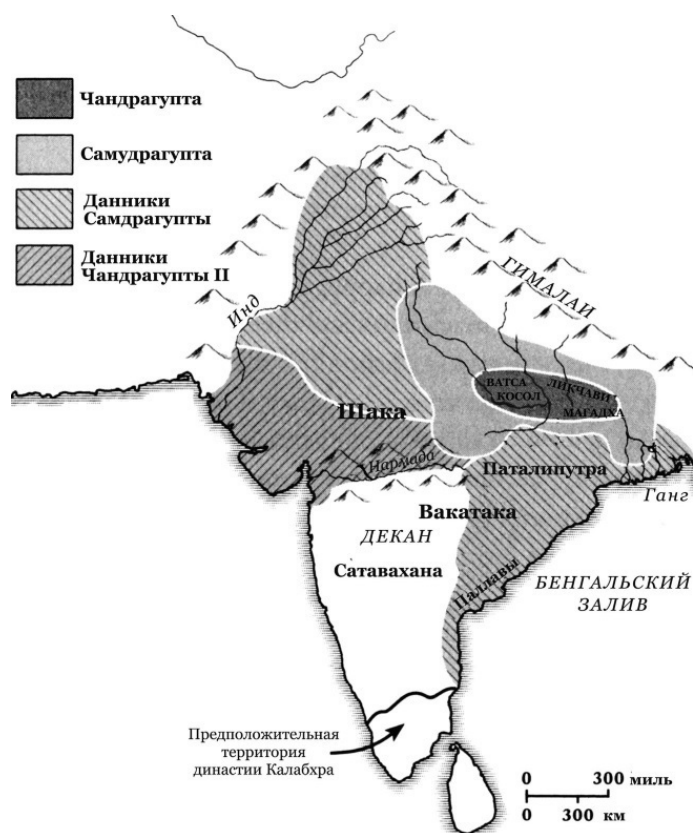
Как и многие ностальгические консервативные периоды, этот период был основан на полном непонимании прошлого. Обратим внимание на надписи, прославляющие его победы. Завоевания Ашоки невероятно расширили границы империи Маурьев, но во время его военных кампаний погибли сотни тысяч людей (особенно на юге) – и, как только государство стало стабильным, царя начали мучить угрызения совести и сожаление. Отрешившись от войны и побед, он провел оставшиеся дни своего правления, стремясь к добродетели и праведности. В качестве покаяния он поставил колонны по всей своей земле, написав на них: *«Захват ещё не покорённой страны неизбежно сопровождается убийством, гибелью или угоном людей. И от этого терзают любимца богов печаль, горестные и тяжёлые мысли»*.⁹

Самудрагупта тоже хотел стать великим правителем. Он надеялся встать в один ряд с Ашокой-завоевателем, отмечая собственные достижения рядом с победами императора династии Маурьев. Но похоже, что он использовал эти колонны, не вчитываясь в слабый след уже написанных на них слов. Неосознанно он записал свои триумфы и победы рядом с сожалениями и раскаянием Ашоки.¹⁰

После смерти Самудрагупты примерно между 375 и 380 годами последовала краткая борьба за власть. Монеты того периода свидетельствуют, что нормальный порядок наследования титула от отца к сыну был нарушен появлением совсем другого царского имени – некоего принца Рамагупты. Двумя столетиями позже в пьесе «Деви Чандра Гупта» (от которой сохранилось лишь несколько абзацев) было высказано предположение, что Рамагупта задумал убить своего младшего брата Чандрагупту, названного так в честь основателя государства. Юный

Чандрагупта произвел смелую атаку на врага – народ Шака на западе. Он проник ко двору правителя Шака в женском платье и убил его. Из-за этого он стал столь популярен в своей стране, что Рамагупта решил избавиться от него. Раскрыв заговор, Чандрагупта ворвался во дворец, вступил с братом в схватку и убил его в пылу борьбы.¹¹

Так или иначе, но в 380 году Чандрагупта стал царем Чандрагуптой II. Через восемь лет после восхождения на престол он добавил страну Шака в список тех, кто платил дань династии Гуп-тов. Как и его прадед, он устроил династический брак своей дочери Прабхавати с выходцем из Вакатака, мелкого царского рода западного Декана. Такая стратегия привела к частичному вливанию династии Вакатака в империю Гуптов: муж Прабхавати умер вскоре после брака, и она стала регентшей и царицей, правившей землями Вакатака под руководством отца. Став властелином еще двух индийских стран, Чандрагупта II озаменовал это, присвоив себе имя «Викрамадитья» – «сын доблести».¹²

Эпоха Гуптов

Как и его отец, Чандрагупта II никогда не пытался добиться чего-то большего, чем номинальная власть над приграничными территориями своей империи. Как и отец, он отказался сделать индуизм единственной религией. Китайский монах Фа-сянь, путешествуя в поисках буддийских рукописей для своего монастыря, прибыл в Индию между 400 и 412 годами. Его изумили мир и процветание, которые принесла эта политика толерантности:

«Люди многочисленны и счастливы; им не нужно записывать [т. е. регистрировать] своих домочадцев и владения, вступать в магистрат и следовать его правилам; лишь те, кто возделывает царские земли, должны отдавать в казну [часть] зерна. Если они хотят уйти – они уходят; если хотят остаться – остаются. Царь правит, не рубя голов и не назначая других

телесных наказаний. С преступников взимают штрафы – мелкие или крупные, в зависимости от условий [каждого преступления]. Даже тем, кто многократно был пойман на разжигании бунта, всего лишь отрубают правую руку. Личная охрана и слуги царя получают жалование. По всей стране никто не убивает живых существ, не пьет хмельных зелий, не ест лук и чеснок».

Попав в Паталипутру, столицу Гуптов, он был еще более впечатлен зажиточностью и духовностью её жителей: *«Местные жители богатеют и процветают, – писал монах, – и соревнуются друг с другом в доброжелательности и благочестии»*. Сам город, где располагался дворец Чандрагупты II, Фа-сянь назвал «городом, где правил царь Ашока», и высоко отзывался о царе – ибо Чандрагупта II занимал относительно буддизма ту же позицию, что и древний правитель: *«Закон Будды читали повсеместно, и последователи других конфессий никак и ничем не могли обидеть монаха»*.¹³ Чандрагупту II, как и его отца, ассоциировали со славным и частично мифологизированным прошлым.

Чандрагупта II правил почти сорок лет. После смерти в 415 году он стал легендой: мудрый Викрамадитья, центральная фигура героических преданий и мифов. После него осталась империя. По сути, она была немногим больше владений Самудрагупты, но имела номинальную власть над юго-востоком, западом и севером Индии, – то есть контролировала весь полуостров за исключением юго-западной его части. То была империя, в которой не прибегали к жесткому контролю, не насаждали единой религии и не требовали верности – империя мудрости.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ К ГЛАВЕ III

Китай	Индия
Падение династии Хань (220). Возникновение Троецарствия: Цао-Вэй, Шу-Хань, У	
Цао Хуан (Вэй Юань-ди) (260–265)	
Гибель Шу-Хань (263)	
Падение Цао-Вэй. Возникновение государства Цзинь (265)	
Цзинь У-ди (265–290)	
Гибель государства У (280)	
Объединение Троецарствия под началом Цзинь (280–316)	
Война восьми князей (291–306)	
Цзинь Хуай-ди (307–313)	
Лю Цун, правитель Северной Хань (310–318)	
Падение объединенной Цзинь (316)	
Цзинь Юань-ди (317–323)	Чандрагупта (319–335)
	Самудрагупта (335–ок.380)
Фу Цзянь II из Цзянана (357–385)	
	Чандрагупта II (ок. 380–415)
Битва на реке Фэйшуй (383)	
Восхождение Северной Вэй (386)	
Тоба Гуй (386–409)	Путешествие Фа-сяня в Индию

Глава четвертая

Персидская угроза

Между 325 и 361 годами царь Персии Шапур II бросает вызов Римской империи, Константин планирует первый поход против неверных, а его наследники сражаются друг с другом за власть.

Перенеся столицу на восток, Константин столкнулся лицом к лицу с самым опасным врагом – царем Персии.

Шапур II стал царем еще в материнской утробе. Его отец, Ормиз II, умер за месяц до рождения Шапура, после чего персидская знать и жрецы государственной религии, зороастризма, короновали живот беременной царицы. До того, как Шапуру II исполнилось шестнадцать, и его самого, и империю контролировали регенты, заинтересованные более приумножением собственной власти, нежели благом Персии. Поэтому во время прихода Константина к власти Персия не была готова вести захватническую войну.

На деле стране приходилось самой обороняться против захватчиков с юга: это были кочевые племена арабов, не имевшие своих царей и жившие на Аравийском полуострове веками. Теперь они пришли на север из-за истощения своих водных источников. По словам арабского историка ат-Табари, условия их родных земель были столь жестоки, что арабы были «самым нуждающимся из народов», а их набеги причиняли всё большие беспокойства соседям: «Они хватали скот у людей, – пишет ат-Табари, – отбирали их возделанные земли и имущество, совершали множество разрушений... никто из персов не мог противостоять им – ведь они возложили царскую корону на чело младенца»¹

Так продолжалось, пока Шапур не достиг статуса совершеннолетнего – а это случилось довольно рано. В 325 году он заявил своим военачальникам, что теперь сам будет руководить военными силами империи. Он выбрал тысячу конников в качестве ударной силы против арабских захватчиков и лично повел их в бой. «Он повел их вперед, – сообщает ат-Табари, – и налетел на тех арабов, которые считали Фарс своим пастбищем... он учинил среди них большую резню, [одних] заключил в тяжелейшее рабство, других обрек на изгнание». Царь стал преследовать арабов, направив флот через Персидский залив в Бахрейн. Флот причалил к берегам восточной Аравии и пролил «столько арабской крови, что она лилась как бурная река, из-заливней вышедшая из русла».² Его войска дошли вплоть до маленького города-оазиса Медины, в котором царь взял пленных.

Но не эти военные успехи потрясли ат-Табари более всего. Историк пишет, что мудрость Шапура II впервые проявилась, когда в юности он увидел, как его люди, толкаясь, сплошной толпой переходят мост над Тигром. Царь посчитал этот подход неэффективным.

«Он приказал построить другой мост, чтобы по одному из них люди могли идти в одном направлении, а по другому – в другом... Так исчезла опасность упасть с моста и разбиться, которой подвергались люди, переходившие мост. Ребенок завоевал уважение и прослыл мудрецом за один день, тогда как другим на это требовались долгие годы»?

Управление таким крупным государством, как Персия, требовало большего, нежели ловкое владение мечом; правителю надлежало быть хорошим администратором. Изобретение новой схемы движения было инновацией. Шапур II оказался умен и находчив, и был вполне готов помешать планам Константина завоевать весь известный мир.

Переезд Константина в Византий был молчаливым свидетельством того, что он собирался бороться с Персией за власть над Востоком. Но его первый контакт с Шапуrom II был относительно вежливым. Как только тот избавился от своих регентов, Константин прислал ему

письмо, в тактичной, но недвусмысленной форме предлагая Шапуру отказаться от преследования христиан в Персии. *«Я вверяю [их] тебе, ибо ты столь велик, – писал Константин. – Позаботься о них с обычным своим человеколюбием: от этого знака веры неизмеримую пользу получишь и ты, и мы?»*

Шапур II согласился быть милосердным к христианам в пределах своих границ, но со временем быть терпимым становилось всё труднее. Вскоре после прихода письма от Константина африканский правитель, царь Аксума, принял христианство – этот акт был столь же очевидным заявлением о дружбе с Римской империей, сколь очевидна была его надежда попасть в рай.

Этого царя звали Эзана, и его царство лежало на запад от Красного моря¹⁴. На другом краю узкого пролива, на южном побережье моря, находилась Аравия, а в тридцатые годы IV века эта территория была полна персидских солдат. Выгнав арабских захватчиков из своего южного царства в начале правления, Шапур Великий усердно продолжал кампанию уже на арабских землях. В течение всего своего правления, пишет ат-Табари, Шапур *«крайне жаждал убивать арабов и вырывать из суставов руки их военачальникам. Потому арабы прозвали его Dhu al-Aktaf, „Человек суставов“»*¹⁵. То, что Эзана принял христианство, обеспечило ему поддержку Константина на случай, если персидская агрессия перейдет водораздел.⁵

Ненадолго Шапур II оставил африканское царство в покое. Зато его солдаты наводнили Армению.

Армянское царство, существовавшее уже почти тысячу лет, давно страдало от близости к восточным границам Римской империи. Веками римские императоры то заключали с армянскими царями союзы, то нападали на их государство, пытаясь включить его в свою империю. Восточные царства древних персов и парфян делали то же самое в надежде сделать Армению преградой для римской экспансии.

В те времена Армения была независимой, но она вновь оказалась зажата между двумя большими растущими империями. Армения не вела войны ни с Римом, ни с Персией, но склонялась к дружбе с Римской империей. Царь Армении Тиридат был крещен монахом Григорием в 303 году, еще до того, как христианство стало политически выгодным.⁶ Когда Константин сделал христианство религией империи, связи Армении с западным соседом стали еще крепче.

Агенты Шапура II Великого, который все более опасался, что христианская Армения никогда больше не станет союзницей Персидской империи, убедили царского мажордома стать предателем. В 330 году мажордом отравил царя. К сожалению для персов, это не отвратило Армению от христианства – напротив, Тиридат стал мучеником и в конце концов оказался причислен к лику святых, а его сын, Хосров III Котак (Короткий), стал царем.

Поскольку эта попытка зайти с тыла не удалась, Шапур II отправил в Армению свою армию. Вторжение в Армению в 336 году провалилось, воины отступили, но Шапур написал Константину недвусмысленное послание, в котором сообщил, что не собирается оставлять приграничные территории Римской империи, даже если эти территории христианские.

Отныне принятие христианства означало политическую позицию – и Шапур решил истребить христианство у себя. Персам христиане всё чаще казались двойными агентами Рим-

¹⁴ Царство Аксум располагалось на территориях, известных из греческих и латинских источников также как Абиссиния или Эфиопия. Римляне использовали термин «Эфиопия» относительно Нубии, государства к югу от Египта; иногда и Аксум называли просто Эфиопией. Кроме того, аравийское царство Химьяр было расположено в землях Йемена, потому его иногда называют Йеменом. Но я избегала использования названий «Эфиопия» и «Йемен», говоря о царствах IV и V веков, поскольку оба этих слова в наше время имеют более обобщенный географический смысл. (Прим. авт.)

¹⁵ «Выворачивание суставов» было излюбленной манерой Шапура II. Эта экзекуция не обязательно убивала жертву – но рука, державшая меч, что боролась против персидского царя, оставалась безжизненно болтаться, становясь бесполезной. (Прим. авт.)

ской империи. К началу 337 года гонения на персидских христиан стали систематическими, особенно на западных границах.

Об этих притеснениях писал перс-христианин Афраат, живший в монастыре Мар-Маттея на восточном берегу реки Тигр. Шапур, – так сообщал он своему другу-монаху, жившему за пределами Персии, – стал причиной «великого избиения мучеников», но персидские христиане держались стойко; они верили, что им «воздастся свыше», а их преследователи-персы «снискают ненависть и презрение».⁷

На западе Константин планировал воплотить эти слова в жизнь. Он готовил вторжение, но не просто вторжение, а поход для поддержки христиан Персии, нуждающихся в его помощи. Он собирался взять с собой переносное святилище – шатер, в котором епископы, сопровождавшие армию, проводили бы регулярные богослужения, и провозгласил, что примет крещение (чего до сих пор не сделал) в реке Иордан, как только дойдет до неё. Впервые правитель собирался поднять крест против внешнего врага.⁸

Но прежде, чем отправиться в поход, он заболел. 22 мая 337 года Константин I Великий умер. После этого столица в его честь сменила имя с Византия на Константинополь. Император был похоронен в мавзолее, который он готовил для себя в церкви Апостолов. В мавзолее было двенадцать символических гробов для двенадцати апостолов, а гроб Константина был тринадцатым. Историки последующих веков называли это деянием великой гордыни – но у такого захоронения была своя логика: Константин, как и апостолы, был поборником веры. *«Так как он один из римских императоров с глубочайшим благоговением чтит Бога Вседержителя, – заключил Евсевий, – один столько прославил Церковь Его, сколько никто от века... то от прежних веков до самого нашего времени не упоминается ни об одном подобном».* Константин соединил христианство и государственную политику, изменив их навсегда.⁹

Как только новость о смерти Константина распространилась на восток, Шапур вступил на территорию Армении. В этот раз ему повезло; христианский правитель Армении Хосров III Котак был вынужден, спасая свою жизнь, бежать к границам Римской империи. Вместо него Шапур посадил на престол свою марионетку. Приграничное царство досталось ему – по крайней мере, на некоторое время.¹⁰

Римляне среагировали не сразу, поскольку наследники Константина в Константинополе были заняты попытками устранить друг друга. Будучи при жизни толковым политиком, Константин не оставил четких распоряжений относительно наследования. Он словно собирался жить вечно. После его смерти осталось трое сыновей и племянник; каждому из них был пожалован титул цезаря, каждый правил в определенной части империи, каждый мог заявить свои права на трон.

Никто из беспристрастных историков не описал события в первые недели после смерти Константина – но, когда кровопролитие прекратилось, племянник Константина, оба его шурина и множество придворных уже были убиты. Трое сыновей Константина (Константин II, двадцати одного года от роду, семнадцатилетний Констанций II и четырнадцатилетний Констант) договорились по-семейному: пощадить жизни друг друга и уничтожить всех остальных возможных конкурентов.¹¹ Единственное исключение было сделано для их пятилетнего кузена Юлиана, которого воспитывали в замке в Малой Азии, вдалеке от государственной чистки.

В сентябре в Константинополе они провозгласили себя соправителями. Империя вновь была разделена, – на этот раз на три части, или префектуры. Константин II взял себе префектуру Галлию, Констант – префектуру Италию, что включала в себя также Северную Африку, а Констанций II получил всю Восточную префектуру вместе с Фракией – а значит, и Константинополь. Почти мгновенно Констанций II захватил Армению и посадил на трон Хосрова III Котака.

Вскоре, несмотря на юный возраст, четырнадцатилетний Констант показал, что с ним шутки плохи. В 340 году его брат Константин II попытался отнять у него Италию; Констант пошел войной на собственного брата, устроил засаду на севере Италии и убил Константина. Теперь империя вновь была разделена надвое – между Константом на западе и Констанцием II на востоке.

Констант был стойким защитником христианской церкви, однако не снискал популярности у народа. Характер его был столь омерзителен, что даже церковные историки, обычно льстящие всем христианским императорам, его не любили. Он умудрился прожить еще десять лет, но в 350 году, в возрасте двадцати семи лет, был убит собственными военачальниками.¹²

Вместо того, чтобы поддержать оставшегося брата, Констанция II, военные навязали ему нового соправителя – военачальника по имени Магн Магненций. Констанций II выступил на запад, чтобы устранить узурпатора, но прежде, чем Магненций встретил смерть, потребовалось два года борьбы. Он убил себя сам, чтобы не попасть в руки Констанцию II. В 352 году Констанций II, как когда-то и его отец, стал единоличным правителем всей империи.

Разумеется, в то время он находился вдалеке от своих восточных границ; Шапур II воспользовался его отсутствием, чтобы вновь присвоить Армению. В ней правил сын Хосрова III Котака, считавшийся союзником Римской империи; Шапур II вторгся в Армению, похитил царя, вырвал ему глаза и позволил его сыну взойти на трон лишь при условии, что тот станет делать всё, что скажут персы.¹³

Констанций II не сразу ответил на этот вызов. У него имелись другие проблемы, самой острой из которых был поиск наследников. У императора не было сыновей, и в 355 году он назначил оставшегося в живых кузена Юлиана цезарем и своим преемником. Двухлетний Юлиан, которого предусмотрительно растили в Малой Азии, воспитывался в христианской морали учителем Мардоном.

Констанций II предпочел остаться в Константинополе и назначил Юлиана управляющим делами в западной части империи. Там юноша достиг такого успеха во время военной кампании на Рейне, что армия стала поддерживать его с огромным энтузиазмом; когда же он уменьшил налоги, народ также полюбил его.

Популярность Юлиана росла, а популярность Констанция II, наоборот, приходила в упадок. Как и его отец, Констанций был христианином – но, в отличие от отца, он поддерживал арианство, в те дни официально считавшееся ересью. В тот же год, когда Констанций II назначил Юлиана цезарем, он воспользовался властью императора, чтоб избавиться от епископа Римского, антиарианца Либерия, не поддерживавшего мировоззрение Констанция. На место Либерия император назначил лично выбранного епископа.

Дело было серьезное, поскольку епископ Римский был одним из самых влиятельных священнослужителей христианской церкви. Римские епископы считались духовными наследниками апостола Петра, а самого Петра называли основателем христианской церкви. Уже несколько десятилетий епископ Римский претендовал на то, чтобы выносить решения, обязательные для епископов других городов.¹⁶

¹⁶ Эти претензии основаны на Евангелии от Матфея, стих 16:18, где Иисус говорит Петру: «И на сем камне Я создам Церковь Мою». Римская церковь интерпретировала эти слова так, что Петр стал апостолом-основателем христианской церкви; а поскольку Петр отправился проповедовать в Рим, римская церковь считала свой город родиной христианской традиции. (Прим. авт.)

Римляне и персы

Эта привилегия не была неоспорима: епископы Александрии, Антиохии и Иерусалима – городов, которые могли похвастаться христианской традицией того же возраста, что и в Риме – негодовали из-за того, что Рим называет себя центром христианского мира. Несмотря на это, весь клир был согласен с тем, что Констанций II не может по своей воле назначать и снимать с должности ни одного из епископов. Но Констанций II, не обращая внимания на их протест, созвал в 359 году свой собственный синод и провозгласил на нем, что отныне кафоличной является арианская христология. Ни один из Римских епископов – ни смещенный, ни новоназначенный – на синод приглашен не был.

Никто из священнослужителей не был рад такому произволу власти, казалось бы, обусловленному только религиозными симпатиями, поскольку Констанций II не получил никаких политических преимуществ, вмешиваясь в дела церкви. Император впал в немилость – особенно у отцов церкви в западной части империи, где антиарианское движение было сильнее. Поэтому, когда Констанций, встревоженный растущей популярностью Юлиана, потребовал от него уменьшения размеров западной армии путем отправки части войск на восток, Юлиан поставил на возрастающую непопулярность кузена на западе и собственную выдающуюся репутацию – и отказался. Армия, стоявшая на Рейне, оказала ему поддержку и провозгласила Юлиана соправителем Констанция II.

Так в империи снова стало два императора – а этого не желал терпеть ни один из них. Но Юлиан не стремился к тотальной войне против Констанция, который всё же правил Константинополем и всей восточной частью империи. Со своей стороны, Констанций не осмелился оставить свои территории и выступить против Юлиана. Персидская угроза была слишком осязательна, армия Шапура II уже подступала к границам Римской империи.

Римский воин Аммиан Марцеллин, позже описавший историю римско-персидских войн, был тайно послан в Армению (тогда находившуюся под властью Персии), чтобы следить за продвижением персов. С вершины горы он заметил приближающуюся армию: «Вся земля вокруг полна неисчислимыми войсками, – вспоминал он, – их ведет царь в сверкающем облачении».¹⁴ Римская армия жгла поля и дома на пути у приближающегося врага, чтобы ему негде было найти пищу. Римляне укрепились на берегу Евфрата, но персы, по совету римского перебежчика, пошли окольным путем на север, к нетронутым полям и садам.

Римляне последовали за ними, и в конце концов две армии встретились у небольшого укрепленного городка под названием Амида, который лежал в римских владениях. Город был хорош для обороны, поскольку (по словам Аммиана Марцеллина) подход к нему был лишь один – узкая тропа в горном ущелье, и римляне заняли в нем оборонительные позиции. Но подразделению персидской конницы удалось обойти город так, что римляне не заметили этого и оказались зажаты своими врагами с обеих сторон. Аммиан, сражавшийся в середине этой толчеи, оказался в ловушке на целые сутки: *«Дорассвета мы были обездвижены, – пишет он, – ...мы стояли такими плотными рядами, что телам убитых, зажатых в ущелье, было негде упасть. Передо мною был солдат с головой, рассеченной надвое сильнейшим ударом, – его так сильно сжали со всех сторон, что этот обрубок продолжал стоять прямо»*¹⁵

Наконец Аммиану и другим выжившим римским солдатам удалось пробиться к городу. Персы стреляли по стенам из луков и использовали боевых слонов, *«пугавших видом своих морицинистых тел, верхом на которых сидело множество вооруженных людей; жуткое зрелище, выходящее за рамки любого описуемого ужаса»*. Амида сопротивлялась осаде семьдесят три дня. Улицы были покрыты слоями «тел, в которых копошились личинки»; в городе разрасталось моровое поветрие. Защитники города удерживали деревянные осадные сооружения и слонов на расстоянии с помощью горящих стрел, но в итоге персы смогли выстроить у стен земляные насыпи и взобрались по ним. Жители Амиды были перебиты. Аммиан, бежавший через задние ворота, нашел за ними лошадь, запутавшуюся в чаще, привязанную к своему уже мертвому хозяину. Он отвязал лошадь от тела и ускакал прочь.¹⁶

Констанций потерял не только Амиду, но и как минимум еще две крепости, а также множество защищенных городов и добрую часть восточных земель. Тем временем Юлиан всё еще грозил Констанцию II с запада. Находясь между двумя врагами, Константин не осмеливался повернуться спиной к одному из них, чтоб напасть на другого.

Эту дилемму решила лихорадка. 5 октября 361 года Константин II умер от инфекционного заболевания; тело его было так горячо, что подчиненные не могли его коснуться. Юлиан автоматически стал правителем всей Римской империи.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ К ГЛАВЕ 4

Индия	Римская империя	Персидская империя
	Диоклетиан (284–305)	
	Максений (306–312)	
	Линний (308–324) Максимиан Даза (308–313)	
		Шапур II (309–379)
	Битва на Мульвийском мосту (312)	
	Константин Великий (312–337)	
	Битва на Чистых полях (313)	
Чаудрагунта I (ок. 319–335)	Миланский эдикт (313)	
	Никейский собор (325)	
		Хосров III Котак, царь Армении (330–338)
Самудрагунта (335–ок. 389)		
	Константин II (337–340)	
	Констанций (337–361)	
	Констант (337–350)	
	Первый Константиновский собор (359)	
	Юлиан (360/361–363)	
Чаудрагунта II (ок. 389–415)		
Путешествие Фа-сяня в Индию		

Глава пятая

Отступник

Между 361 и 364 годами Юлиан безуспешно пытается возродить старые римские обычаи.

Как только Юлиан воцарился в Константинополе, стало ясно, что его христианское воспитание оказалось бесполезно. Несколько лет он поддерживал переписку с известным учителем риторики Либанием, который наставлял его в изучении греческой литературы и философии, и большую часть своей сознательной жизни новый император испытывал симпатию к старой римской религии.

Сейчас же Юлиан открыто объявил себя противником христианства. Он заявил, что его крещение было «кошмаром», который ему хотелось бы забыть. Он повелел открыть старые храмы, многие из которых были закрыты во времена правления христианских императоров. Также он постановил, что христиане не могут преподавать литературу, а поскольку знание литературы было необходимо государственным чиновникам, это гарантировало получение римскими государственными мужами сугубо римского обучения.¹

Кроме того, это означало, что христиане Римской империи не могут получить полноценного образования. Большинство христиан отказалось отдавать своих детей в школы, где их учили бы по канонам римской античной религии. Вместо этого христианские писатели начали пытаться создать собственную литературу, которую можно было бы использовать в школах. По словам А.А. Васильева, они «переложили псалмы в некое подобие од Пиндара, Пятикнижие Моисея изложили гекзаметром, Евангелие представили в виде диалогов наподобие Платона».²

Большинство этих произведений было столь низкого качества, что их забывали почти сразу; до наших дней их сохранилось очень мало.

Это было очень странное преследование: судя по нему, у Юлиана было много общего с его современниками из династии Гуптов – царями, с которыми он никогда не встречался. Юлиан был консерватором. Он мечтал возродить славное прошлое страны, хотел начертить четкую границу между всем римским и не-римским. Вследствие решения Константина объединить империю на принципе веры, а не гордого самооознания «римского гражданства» это различие стало исчезающе тонким. Юлиан хотел вернуть его. Он хотел восстановить стену римской цивилизации, оградившись ею не только от христиан, но и от всех чужаков. «Ты хорошо знаешь, – писал ему Либаний в 358 году, – что тот, кто уничтожит нашу литературу, поставит нас в один ряд с варварами». Иметь свою литературу означало иметь прошлое. Не иметь прошлого означало быть варваром. По мнению Юлиана, христиане были варварами и атеистами; у них не было своей литературы, и они не верили в римских богов.³

Юлиан понимал, что старая римская религия нуждается в обновлении, если хочет соперничать с объединяющей силой христианской церкви. И он разработал две стратегии. В первую очередь он позаимствовал из христианства наиболее полезные для римской религии элементы. Он изучил иерархию христианской церкви, которая была хорошо приспособлена для руководства разбросанной паствой, и реорганизовал римское жречество аналогичным образом. Кроме того, он приказал священнослужителям вести обряды поклонения римским богам по популярному христианскому образцу, включив в старые римские ритуалы обращения к приходу (аналогичные проповедям) и пение. Еще никогда поклонение Юпитеру не было так похоже на поклонение Христу.

Вторая часть его стратегии была более тонкой: он позволил вернуться всем христианским священникам, отлученным от церкви из-за того, что во время никейско-арианских деба-

тов они выбрали не ту сторону. Он знал, что христианские теологи не смогут договориться. Естественно, вскоре разгорелись нешуточные теологические споры. То была обратная сторона методов Константина. Юлиан воспользовался способностью христианства разделять, а не его объединяющей силой.⁴

Персидская кампания

За всё это он заслужил имя «Юлиан Отступник».

По иронии судьбы, восстанавливая старое понимание «римского», он оказался вынужден по политическим причинам дать варварам те же привилегии, что были у римлян. Не в состоянии вести войну одновременно с Шапуrom на востоке и натиском германцев на севере, он был вынужден позволить германским племенам франков поселиться в северной Галлии на правах федератов – римских союзников со многими правами римских граждан.

Устранив франкскую угрозу, Юлиан начал персидскую кампанию. В 363 году он выступил на восток во главе восьмидесяти пяти тысяч солдат – не только римлян, но и готов (германское племя, бывшее федератами Рима со времен правления Константина), и арабов, жаждущих отомстить Шапуру за свои выбитые плечи. Также он взял с собой в поход традиционных прорицателей и греческих философов – вместо священников и полевого храма, как в своё время хотел Константин. Эти две группировки осложняли поход тем, что вступили в ссору друг с другом: предсказатели видели дурные предзнаменования и считали, что армия должна отступить, философы же считали такие суеверия нелогичными.⁵

На границе с Персией Юлиан разделил войско и послал тридцать тысяч солдат вдоль Тигра, сам же во главе оставшейся армии отправился по Евфрату на судах, построенных в римских владениях на берегах реки и отправленных вниз по течению. Обе части армии должны были встретиться в Ктесифоне – столице Персии, лежавшей на восточном берегу Тигра чуть южнее Багдада, и зажать персов клешнями.

Согласно Аммиану, римский флот представлял собой грандиозное зрелище: пятьдесят боевых галер и тысяча транспортных кораблей с запасами пищи и судостроительными материалами. Шапур, предупрежденный о размере подступающей армии, из предосторожности оставил столицу. Когда туда прибыл Юлиан, царя в городе не было. Армии перебросили мосты на восточный берег Тигра и всё же осадили Ктесифон.

Осада длилась долго. Тем временем Шапур, находясь в безопасности далеко от места боевых действий, начал собирать войска по самым дальним окраинам своего царства. В итоге он вернулся, чтобы сразиться с берущей верх армией. Юлиан был вынужден отступить вверх по течению Тигра, отвоевывая себе путь назад и пытаясь сохранить своих людей живыми, в то время как персы жгли все поля и дома на их пути.

Отступление длилось всю весну. Началось лето, а римские солдаты всё еще не добрались до своих границ. Они страдали от голода и ран, постоянно подвергаясь атакам персов. Однажды в июне, во время очередного нападения персов из засады, Юлиан был пронзен персидским копьем в нижнюю часть живота. Его отнесли в лагерь, и там он медленно истек кровью и умер. Он оказался в числе тех трех римских императоров, кто погиб на поле брани с чужеземным противником.¹⁷

Аммиан Марцеллин, находившийся в армии, описывает его смерть как красивую классическую сцену: Юлиан, смирившись со своей судьбой, до самой смерти вёл тихую беседу о «благородстве души» с двумя философами. Христианский же историк Феодорит настаивает на том, что Юлиан умер в агонии, слишком поздно осознав силу Христа и воскликнув: «Ты победил, галилеянин!»⁶

Из двух равно неправдоподобных описаний христианская версия была всё-таки ближе к реальному положению дел. Армия Юлиана осталась без средств к существованию, повержена и нуждалась в руководстве и спасении. После недолгих дискуссий офицеры облачили в императорские одежды одного из командиров, благородного и доброго человека по имени Иовиан, и провозгласили его императором.⁷ Тридцатитрехлетний Иовиан был христианином.

С этого момента империей правили только христиане. Старая римская религия более никогда не доминировала при императорском дворе. Это не положило конец противостоянию – просто теперь борьба между прошлым и настоящим, старым Римом и новой империей, ушла в подполье.

Иовиан был прагматиком. Вместо того, чтобы сражаться, он надел корону и предложил Шапуру II переговоры. Заключенный между ними договор позволил римской армии мирно уйти домой. В обмен на это Иовиан согласился передать персам все римские земли на восток от Тигра, включая римскую крепость Нисибис.¹⁸ Впоследствии из Нисибиса персы регулярно проводили атаки на римские границы; город более никогда не отходил во владения Запада.⁸

Под началом Иовиана римская армия с большим трудом вернулась на запад, где солдат ждали презрение и насмешки сограждан. Договор с персами посчитали постыдным, позорным для Рима, неприемлемым исходом смелого и гибельного похода Юлиана.

Иовиан так никогда и не вернулся в Константинополь. Ступив на римские земли, он сделал остановку в Антиохии и начал работать над созданием срединного пути. Он отменил все антихристианские законы Юлиана, но не стал заменять их столь же жесткими указами, ущемляющими римскую религию. Вместо этого он объявил о религиозной терпимости. Сам он был неусыпным последователем Никейского символа веры, но решил удалить религию из основа-

¹⁷ Двумя другими императорами были Валериан (война в Персии, 260 год) и Деций Траян (война с готами, 251 год).

¹⁸ Иначе – Нисибей, ныне Нусайбин. (Прим. перев.)

ния имперской политики. Христианин, грек, римлянин – все теперь имели равные права прославлять своих богов и занимать места в правительстве.⁹

Но было уже слишком поздно. Религия и политика – а также религиозная и политическая власть – слишком тесно переплелись в империи. Сильный и харизматичный император (которым добросердечный Иовиан не являлся) мог бы удержать власть, провозгласив религиозную терпимость – но политический авторитет Иовиана был и без того слаб из-за непопулярного договора с персами. Единственную возможность удержаться у власти для него представляло использование религиозного авторитета и установление единоверия как основы правления.

Отказ от подобных действий означал утрату авторитета. В 364 году, спустя восемь месяцев после коронации, он умер в своем шатре, на медленном пути возвращения вместе с армией в восточную столицу. Рассказы об этом событии подозрительно отличаются друг от друга; по разным свидетельствам, он умер, задохнувшись угарным газом плохо проветренной печи, либо от несварения желудка, либо от «распухшей головы». «Насколько мне известно, – замечает Аммиан, – причины его смерти не расследовали». Римский трон опустел и ждал нового претендента.¹⁰

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ К ГЛАВЕ 5

Индия	Римская империя	Персидская империя
		Шапур II (309–379)
	Битва на Мульвийском мосту (312)	
	Константин Великий (312–337)	
	Битва на Чистых полях (313)	
Чандрагупта I (ок. 319–335)	Миланский эдикт (313)	
	Никейский собор (325)	
		Хосров III Котак, царь Армении (330–338)
Самудрагупта (335–ок. 380)		
	Константин II (337–340)	
	Констанций (337–361)	
	Констант (337–350)	
	Первый Константинопольский собор (359)	
	Юлиан (360/361–363)	
	Иовиан (363–364)	
Чандрагупта II (ок. 380–415)		
Путешествие Фа-сяня в Индию		

Глава шестая

Землетрясение и вторжение

Между 364 и 376 годами природная катастрофа и нападения варваров обрушиваются на Римскую империю.

Смерть Иовиана означала, что за четыре года в Римской империи сменилось три императора. «Из-за жестокости изменчивых обстоятельств», как это называет Аммиан Марцеллин, в те времена официальная религия и государственные границы Римской империи менялись с той же скоростью, что и её правители.

Никто не поддержал юного сына Иовиана в его претензиях на трон. Вместо этого армия (невольно ставшая представительницей всей империи) избрала на должность императора нового военачальника.

Валентиниану, бывалому воину и ревностному христианину, было сорок три; при таком сочетании качеств затруднительно найти его правдоподобный портрет в современных императору источниках. Историк Зосима, преданный старой римской религии, неохотно отмечает, что Валентиниан был «воином отменным, но крайне необразованным». Христианский историк Феодорет воспекает Валентиниана, говоря, что он был «не только человеком великой храбрости, но также благоразумным, дальновидным, сдержанным, обладателем выдающегося роста».¹

Империя в те дни нуждалась не в грамотном политике, а в опытном полководце, решения же Валентиниана позволяют предположить, что служба в армии не подготовила его к императорской ответственности. Он находился в Никее, когда войска избрали его; прежде чем отправиться на коронацию в Константинополь, он решил назначить соправителя. Это была военная тактика. Расстаться с жизнью на дорогах в восточных провинциях было просто, а наследников у Валентиниана не имелось.

Согласно Аммиану, он собрал своих армейских товарищей и спросил, что они думают о его младшем брате и однополчанине Валенте.¹⁹ После этого вопроса надолго воцарилась тишина и наконец командующий кавалерией сказал: «Если ты, добрый государь, любишь своих родных, то есть у тебя брат, а если отечество – то ищи, кого облачить в пурпур».²

Валентиниан обошел вниманием этот совет. Он дал брату титул правителя и поставил во главе восточных владений Римской империи вплоть до провинции Фракия; сам же отправился в Италию, но двор свой устроил не в Риме, а в Милане.

Так произошла кратковременная переориентация на Запад. Резиденция старшего императора была в Италии, а младшего – на Востоке, однако Валент II осел не в Константинополе, а в Антиохии, на реке Оронт. Почти сразу же стало ясно, о чем умолчал командующий конницей. Перед империей стояла масса военных проблем. Германские племена наводнили Галлию и пересекли Дунай; римские владения в Британии подвергались нападениям местных жителей; земли в Северной Африке страдали от набегов враждебно настроенных южных племен; персидский царь Шапур II, объявив, что его договор был заключен с Иовианом и аннулирован после его смерти, готовил нападение с востока.³

Но Валент II, поставленный править на Востоке, казалось, был более обеспокоен внутренней чистотой, нежели внешней угрозой. Его старший брат Валентиниан, христианин, придерживался Никейского символа веры, но был терпим к арианам и представителям традиционной римской религии. Самым жестким нововведением Валентиниана был закон, ограничивающий вечерние жертвы богам. Но как только один из проконсулов указал Валентиниану на то, что

¹⁹ Известном в отечественных источниках как Валент II. (Прим. перев.)

многие граждане придерживаются этой древней традиции, полагая, что это является частью римской идентичности, император тут же разрешил всем желающим не соблюдать новый закон.⁴

Но младший брат, Валент II, был арианином, нетерпимым к любой другой религиозной доктрине. Он начал войну за уничтожение никейских христиан в Антиохии: он отправил их лидера в ссылку, изгнал его последователей, а некоторых утопил в Оронте. Это позволило персам еще чаще атаковать восточные границы, поскольку неопытный и не забросивший другие дела Валент не заботился о гарнизонах своих крепостей на востоке. Зосим говорит, что Валент II был столь неопытен в делах правления, что не мог «выдержать бремя государственных дел». Солдат Аммиан пишет еще прямолинейнее: «В это время по всему римскому миру разнесся звук боевых труб».⁵

Но римлян ожидала и другая катастрофа.

На заре 21 июля 365 года землетрясение, родившееся в глубинах Средиземного моря, распространилось по морскому дну и достигло римских берегов. На острове Крит дома обрушивались на своих спящих владельцев. Киренаику трясло, ее города рассыпались. Ударная волна достигла Коринфа, прокатилась на запад, по Италии и Сицилии, и на восток, по Египту и Сирии.⁶

Жители римских побережий уже начали выбираться из-под обломков, гасить пожары, раскапывать свои пожитки и оплакивать погибших, когда в Александрии, в дельте Нила, вода отхлынула от южного побережья. Горожане, удивившись, подошли ближе к линии воды. *«Рокоцущее море отступило от берегов, – пишет Аммиан Марцеллин, – и люди увидели, как отворилась бескрайняя бездна, на дне которой лежали многие морские создания, погрязшие в липком иле; увидели высокие горы и просторные долины... Многие корабли вдруг оказались как бы на суше, а люди без страха спустились на мелководье у кромки моря и стали собирать рыбу и раковины голыми руками».*

Это развлечение длилось менее часа. *«А затем, – завершает Аммиан, – рокоцущее море, как бы в обиду на это вынужденное отступление, подняло великие волны, и, кипя, перехлестнуло через мелководье на острова и прибрежные полосы суши, и сравняло с землей неисчислимое количество домов в городах и прочих местах... Огромные массы воды, вернувшись, когда их вовсе не ждали, погребли под собой и утопили тысячи людей».*⁷

Когда цунами отступило, корабли лежали вдоль берегов в обломках. Человеческие тела валялись горами на улицах и крышах домов и плавали лицами вниз в заводях. Несколько лет спустя Аммиан, проезжая через соседний с Александрией город, увидел корабль, заброшенный вглубь суши. Он всё еще лежал на песке, и его корпус уже начинал гнить.

Перед лицом разрушения Валент II и Валентиниан пытались удержать свои владения от распада. Валента сверг узурпатор Прокопий, двоюродный брат погибшего Юлиана, умудрившийся убедить готов, служащих в римском войске, поддержать его претензии на восточный трон. Валент направил Валентиниану истеричное письмо, прося о помощи. Но Валентиниан был далеко на поле брани – он сражался в Галлии с алеманнами (еще один союз германских племен), и лишних солдат у него не было.⁸

Перетянув на свою сторону двух военачальников и часть армии Прокопия с помощью крупных взяток, Валент II сумел разгромить соперника под Фиатирой. Захватив мятежника в свои руки, Валент приказал разорвать Прокопия на части. Заодно он казнил и двух подкупленных им же полководцев Прокопия, благочестиво осудив их за столь своевременное предательство.⁹

Классические римские историки, такие, как Аммиан, объясняли огромную волну, обрушившуюся на города, именно мятежом Прокопия. В своих хрониках они просто перенесли цунами вперед по времени, поместив его после мятежа и настаивая, что попытка узурпации

власти Прокопием нарушила естественный ход вещей. Христианские историки, описывавшие цунами, чаще объявляли виновным Юлиана Отступника – в их изложении Господь наказывал империю за проступки Юлиана. Либаний, старый друг Юлиана, предположил, что Земля оплакивает Юлиана, что землетрясение и цунами были выражением почтения усопшему со стороны Земли или, возможно, Посейдона.¹⁰

Представители и христианства, и старой римской веры пытались найти причину этим разрушениям. Такая причина, несомненно, должна была иметься. В языческом и христианском мировоззрениях любое событие воспринималось как прямой ответ на поступки людей – ни в одном из этих миров не было места беспричинному злу.

Вслед за природной катастрофой последовали катастрофы политические: на римские земли все чаще стали нападать варвары, понемногу обгрызая края владений империи.

Начало первой из политических катастроф положил Валент II, развязав войну с готами. Готы в римской армии поддерживали узурпатора Прокопия, и он желал их наказать.

До того времени римляне и готы умудрялись уживаться; готы предоставляли римской армии солдат, а в обмен могли селиться на римских территориях и даже наделялись некоторыми привилегиями римских граждан. За минувшие десятилетия среди них сильно увеличилось количество христиан. Готский епископ Ульфила придумал алфавит, которым записывал перевод Библии на готский язык. Ульфила, как и Валент II, был ревностным арианом – он проповедовал, что никейское христианство – «мерзкое и отвратительное, извращенное и порочное... изобретение дьявола».¹¹

Это не помешало Валенту организовать карательную экспедицию против заселенных готами земель. Эта война началась в 367 году и тянулась целых три года без всяких перспектив. Момент для войны против тех, кто был склонен к дружбе с римлянами, был выбран исключительно неудачно: на западе Валентиниан уже вел бои с алеманнами. В конце 367 года, когда Валент II пошел войной на готов, алеманны перешли Рейн и напали на людей Валентиниана на его собственных землях. Валентиниану удалось победить их в горячей схватке, но он сам потерял столько солдат, что был не в состоянии изгнать захватчиков.

Тем временем римские владения в Британии также страдали от варварских набегов. В данном случае «варварами» были племена, обитавшие на севере острова. Еще в 122 году н. э. римский император Адриан провел здесь черту между цивилизованными и дикими землями, повелев выстроить стену через весь остров. Римская провинция Британия лежала к югу от стены. Шести британским городам был присвоен статус римских.²⁰ В самом большом из них, Лондини (Лондиниуме), обитало 23 тысячи граждан; город обладал сложной инфраструктурой римского типа – имел судоходные протоки, купальни, канализацию и военные гарнизоны.¹²

На севере же, по мнению римлян, была сплошная глухомань. Племена на север от Адрианова вала, как и те, что жили на меньшем острове к западу от Британии, прибыли на британские берега как захватчики около 500 года до н. э... Теперь уже они были местными жителями (за тысячу лет люди странным образом врастают в землю, пуская в неё корни) и объединялись в несколько племенных союзов. Самыми сильными из племен были пикты и каледонцы («рыжеволосые и ширококостные», как описал их римский историк Тацит). На западном острове, который никогда не был под властью римлян, на юг от столичного города Тара обитали фении, тогда как север по большей части контролировали улуты (улады).¹³

Уже свыше ста лет Британию тревожили вторжения северян-пиктов и пиратские набеги племен с западного острова.²¹ В IV веке к этому присоединились рейды еще одного герман-

²⁰ Этими шестью городами были: Эборакум (нынешний Йорк), Веруламий (Сент-Олбанс), Глевум (Глостер), Линдум (Линкольн), Камулодун (Колчестер) и Лондиний (Лондон). (Прим. авт.)

²¹ Римляне знали этих пиратов под именем «скоты» (Scoti), что в переводе с их собственного языка означало «грабители».

ского племени – саксы, прибывшие из краев, лежащих на север от Галлии, переплыли море и принялись разорять восточные берега Британии.

Римский наместник, отвечавший за оборону Британии, именовался *dux Britanniarum* – «герцог Британии».²² Его помощником был особый офицер, *Comes Litori* – комит, или «защитник побережья»²³. Его обязанностью было не подпускать саксов к юго-восточным берегам. Но в конце 367 года, пока Валентиниан отчаянно отбивался от алеманнов, а Валент II зашел в тупик, воюя с готами, оборона Британии развалилась, и варвары ворвались в страну со всех четырех сторон.¹⁴

Это была тщательно спланированная и согласованная атака. Аммиан Марцеллин назвал её *Barbarica Conspiratio* – «заговор варваров». Римский гарнизон, стоявший у Адрианова вала, годами общавшийся с пиктами на оккупированных территориях, позволил пиктским воинам войти на земли римской Британии. В то же время пираты с западных островов высадились на британских берегах, а саксы наводнили юго-восточную Британию и северную Галлию. В течение нескольких предыдущих десятилетий численность римских войск в Британии медленно убывала: солдат понемногу переводили на континент. Немудрено, что и «дукс», и «комит побережья» были сокрушены.¹⁵

Хотя Валентиниан был вплотную занят алеманнами, в 368 году он отправил в Британию опытного военачальника, Феодосия Старшего, дабы тот отвоевал римские провинции. Феодосий Старший повиновался и в качестве первого заместителя взял с собой своего сына Флавия Феодосия²⁴. Он обосновался в Лондини, из которого и повел многолетнюю войну, в итоге вернув Римской империи контроль над Британией. «Он согрел север кровью пиктов, – писал один восторженный римский поэт, – и ледяная Ирландия оплакала многих мертвецов». Вдоль юго-восточных берегов были возведены крепости с башнями, с которых дозорные могли углядеть приближение саксонских кораблей.¹⁶

Но не всё шло хорошо. Захватчики разрушили города и сожгли села, стерли с лица земли целые гарнизоны и нарушили торговые связи, прежде существовавшие между Британией и северными племенами. Пиктские деревни около Вала были сожжены, их жители истреблены, римские гарнизоны вдоль границы заперлись в наскоро возведенных изолированных крепостях.¹⁷

А на римской части материка венценосные братья были вынуждены заключить мир со своими противниками-варварами. Валент II прекратил попытки побороть готов в 369 году и заключил договор с их вождями. В 374 Валентиниан заключил мир с вождем алеманнов Маркианом. Но почти сразу же началась еще одна война с варварами.

Это приводит к некоторой путанице, поскольку скоты происходили не из современной Шотландии (Scotland), а скорее с острова Ирландия. Так что, по сути, «скоты» были не шотландцами, а ирландцами. (Прим. авт.)

²² Первоначально слово «dux» означало не герцога, а просто военного вождя или предводителя. От него, кроме всего прочего, происходит итальянское «дуче». (Прим. перев.)

²³ От слова «Comes» происходит титул «Comte», ныне переводимый как «граф». (Прим. перев.)

²⁴ В отечественных источниках известен в первую очередь как император Феодосий I Великий. (Прим. перев.)

Британия и Ирландия

Годом ранее Валентиниан приказал строить новые крепости к северу от Дуная, на землях, принадлежавших германскому племени квадов. Квады не представляли большой угрозы («народ, вовсе нестрашный», – так пишет о них Аммиан), и когда началась стройка крепостей, они прислали к местному римскому военачальнику послов с вежливой просьбой оставить их землю в покое. Просьбу проигнорировали; послы продолжали приходить.¹⁸

Наконец римский военачальник не придумал ничего лучшего, чем пригласить вождя квадов на пир и убить его. Этот вероломный поступок так поразил квадов, что они объединились с соседними племенами и пошли штурмом через Дунай. Римские земледельцы, жившие у границы, не ожидали нападения: атакующие «перешли Дунай, когда никто не ожидал врагов, и напали на селян, собиравших урожай; большинство земледельцев они убили, выживших же увели домой как пленников»¹⁹

Валентиниан, разгневанный бездарностью командира, начавшего эту войну, отозвал Феодосия Старшего и его сына Флавия из Британии и направил их в горячую точку. Сам он вскоре после этого тоже прибыл сюда, изрыгая проклятья и обещая покарать своенравных подданных. Но когда он собственными глазами увидел опустошение, царившее на границах, то пришел в ужас. Он решил не брать в расчет убийство вождя квадов и начал ответную карательную кампанию. Он сам повел войско; Аммиан с неодобрением пишет, что Валентиниан сжигал поселения и «не глядя на возраст, лишал жизни» всех мирных квадов, что встречались ему на пути.²⁰

По сути, его поведение позволяет предположить, что он просто утратил связь с реальностью. Он отсек руку конюху из-за того, что лошадь, которую конюх держал за поводья, встала на дыбы, когда Валентиниан садился на неё. За несвоевременную шутку он замучил до смерти безобидного младшего секретаря. Он даже приказал казнить Феодосия Старшего, так хорошо послужившего ему в Британии, после того, как Феодосий проиграл одну битву, а его сына Флавия отправил в ссылку в Испанию.

Наконец квады отправили к Валентиниану послов, чтобы договориться о мире. Когда они попытались объяснить, что конфликт начался не по их вине, Валентиниан до того разъярился, что с ним случился удар. *«Он стоял как громом пораженный, – пишет Аммиан, – онемевший и задыхающийся, побагровев обlikом. Внезапно кровь отхлынула от его лица, и смертный пот выступил у него на лбу».* Валентиниан умер, не назначив преемника.²¹

Западная часть империи временно осталась без правителя, и полководцы на границах остановили войну с квадами. Валент II сообщил, что унаследовать корону должен сын Валентиниана, шестнадцатилетний Грациан, и править ему надлежит совместно со своим младшим братом, четырехлетним Валентинианом II.

Первым делом Грациан – выказав тем удивительную рассудительность – вернул из испанской ссылки Флавия Феодосия, сына казненного Феодосия Старшего, назначив его командующим обороной северных границ. Флавий Феодосий научился сражаться в Британии и показал себя блестящим стратегом. К 376 году, через год после смерти Валентиниана, он стал ведущим полководцем на всех центральных землях империи.

Его опыт очень пригодился. До Рима стали доходить слухи о новой угрозе: с востока неотвратимо приближались кочевники – бесстрашные воины, вырезавшие всех и уничтожавшие всё на своем пути, не знавшие религии и разницы между добром и злом, не имевшие даже настоящего языка. Все народы к востоку от Черного моря были в смятении. Аланы, столетиями проживавшие на восток от Дона, уже покинули свои земли. Вождь готов, «наводивший ужас на соседей», сам был побежден. Беженцы заполнили северный берег Дуная, просясь под защиту Римской империи.²²

На далеких границах западного мира объявились гунны.

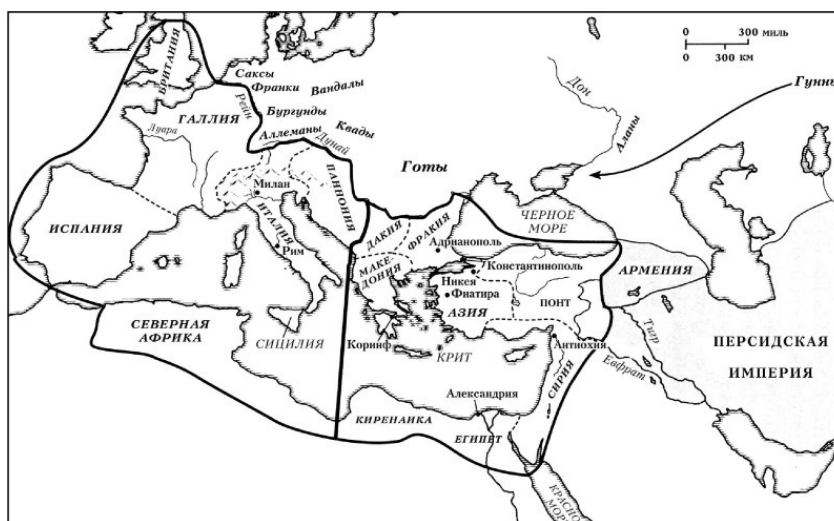
Римляне, никогда не видевшие гуннов, пуще землетрясения и цунами боялись этой необоримой силы. Историки тех времен не знали, откуда родом эти пугающие пришельцы, но были уверены, что пришли они из кошмарных мест. Римский историк Прокопий утверждал, будто гуннов породили ведьмы, вступившие в близость с демонами: *«это низкорослое, грязное племя недолюдей, знающих только один язык, который являл лишь подобие человеческой речи».*²²

Но гунны были еще далеко, а поблизости имелась более насущная проблема – беженцы. Валент II принял официальную делегацию от готов, просивших позволения селиться на римских землях по другую сторону Дуная. Валенту уже пришлось заключить с готами мир, и теперь он решил позволить им иммиграцию. В свою очередь, новоприбывшие могли осваивать целинные земли Фракии и поставлять римской армии солдат – как и другие племена готов, населявших земли империи.²⁵

Плотина римской границы рухнула, и новые волны готов хлынули через Дунай. Римские чиновники, занимавшиеся новыми поселенцами, были загружены бумажной работой. Налоговая система работала плохо, начались хищения денег; у новоприбывших истощились запасы пищи, и они голодали. За два года решение Валента II привело к еще одной войне с варварами. Армия голодных готов пронеслась по Фракии, распространяя вокруг себя «ужасающую смесь разбоя, убийства, кровопролития и огня», убивая, сжигая поселения, захватывая пленников – и направляясь в сторону Константинополя.²⁶

Валент II вышел из Антиохии защищать город; юный Грациан поспешил с запада на восток на помощь дяде. Но прежде, чем он с войсками поддержки прибыл на место, пути Валента II и готов пересеклись у города Адрианополя, лежавшего к западу от Константинополя. Этот город был назван в честь Адриана, императора, построившего стену, ограждавшую империю от варваров.

9 августа 378 года Валент II, сражавшийся вместе со своими войсками, был убит. Две трети войска пало вместе с ним; после вынужденного отступления римских солдат мучили голод и жажда. Валент не был облачен в императорский пурпур, и тело его было столь изуродовано, что его так и не опознали. Аммиан пишет, что кровь на земле стояла по щиколотку. Всю следующую ночь люди Адрианополя слышали из темноты стоны раненых и предсмертные крики умирающих, брошенных на поле боя.

Приближение варваров

Готы окружили город, но они были значительно менее опытные в ведении осад, нежели в открытом бою, и вскоре отступили. То же они попытались сделать в Константинополе – и вновь поняли, что не могут пробиться через стены. Они отступили, но главное стало очевидным: Римская империя перестала быть непобедимой. Землетрясение и потоп оставили её в руинах, далекая орда варваров испугала её, а разъяренные беженцы смогли убить императора.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ К ГЛАВЕ 6

Индия	Римская империя	Персидская империя
		Шапур II (309–379)
	Битва на Мульвийском мосту (312)	
	Константин Великий (312–337)	
	Битва на Чистых водах (313)	
Чандрагупта I (ок. 319–335)	Миланский эдикт (313)	
	Никейский собор (325)	
	Хосров III Котак, царь Армении (330–338)	
Самудрагупта (335–ок.380)		
	Константин II (337–340). Констанций (337–361). Констант (337–350)	
	Первый Константинопольский собор (359)	
	Юлиан (360/361–363)	
	Юлиан (363–364)	
	Валентиниан (364–375). Валент II (364–378). Война с готами (367–370)	
Чандрагупта II (ок. 380–415)	Грациан (375–383). Валентиниан II (375–392)	
	Путешествие Фа-сиэня в Индию	

Глава седьмая

Восстановление государства

Между 371 и 412 годами Когурё перенимает буддийские принципы, учение конфуцианства и побеждает своих соседей

Далеко на востоке – вдалеке от Константинополя, Персии и Индии, за Восточной Цзинь и Северной Вэй еще одно царство пыталось восстановить силы после поражения. В 371 году молодой царь Сосурим унаследовал корону правителя Когурё, а вместе с ней – разоренную и раздробленную страну У него не было базы, на которой можно было отстроить государство; армия его была деморализована, военачальники погибли в боях, земля превратилась в пустыню.

Выход из всех его проблем явился в 372 году в обличье монаха.

Царство Когурё располагалось к востоку от Желтого моря. Предки его жителей, вероятно, пришли сюда с дальнего юга, с берегов реки Хуанхэ, однако культуры Китая и Корейского полуострова существовали отдельно уже много веков.²⁵ Жители полуострова претендовали на древнее и необычное наследие. Согласно их собственным мифам, первым царством на их землях был Чосон²⁶, основанный божественным Тангуном в 2333 году до н. э. – в эпоху древнейших китайских царств.

До своего падения китайская династия Хань захватила северную часть Корейского полуострова, и там поселились китайские чиновники с семьями. В южной же части полуострова сформировались три независимых царства: Силла, Когурё и Пэкче. А тем временем на самом крайнем юге союз четырех племен – Кая – противостоял попыткам соседей включить их в одно из разрастающихся монархических государств.

Когурё всегда было наиболее агрессивным и более всего беспокоило власти Хань. Но последние надеялись, что смогут контролировать царства, лежащие на юг от ханьских колоний, и проследить, чтобы они не набрались излишней мощи. Как было написано в романе «Троецарствие», «По своему характеру эти люди неистовы и получают наслаждение от разбоя».¹

Во времена заката империи Хань её контроль над землями Чо-сон ослабел, под властью ханьцев остался лишь один административный округ – Лолан, столицей которого был старинный город Вангомсон – нынешний Пхеньян.

Лолан пережил своих ханьских правителей и просуществовал до 313 года. В этот год правитель государства Когурё, амбициозный и энергичный Мичхон, двинулся в поход на север и захватил Лолан, присоединив его к своим землям и изгнав остатки китайской армии. Так Когурё под властью Мичхона стало втрое больше любого соседствующего с ним государства. Это было самое сильное и могущественное из трех государств Кореи.

Но это также сделало Когурё самой заметной мишенью. Мичхон умер в 331 году, оставив на троне своего сына, Когугвона. Когугвон не был равен своему отцу в воинском деле, и тридцать лет вел политику бездействия; за это время Когурё захватывали дважды. В 342 году армии шестнадцати варварских государств захватили здесь тысячи пленных и разрушили

²⁵ С лингвистической точки зрения, люди Корейского полуострова отделились от китайцев достаточно рано; их язык относится к тунгусо-манчжурской языковой семье, не входящей в сино-тибетскую языковую семью, к которой относится старокитайский (или древнекитайский) язык, чья письменная форма является самой древней среди китайских письменностей. (Прим. авт.)

²⁶ Или Кочосон – «Древний Чосон». (Прим. перев.)

стены столицы Когурё – Хвандо. В 371 году наследный принц Пэкче со своей армией вторгся на территорию Когурё и дошел до Вангомсона.

Страхнув привычную апатию, король Когугвон лично прибыл из Хвандо, чтобы сразиться с соседом – и был убит при обороне крепости Вангомсон. Пэкче объявила большую часть земель Когурё своими, а Сосурим, сын побежденного короля и внук великого Мичхона, остался править усохшими останками Когурё.

Когурё в период расцвета

Вскоре после восшествия Сосурима на трон к его двору явился буддийский монах, пришедший с запада. Этот монах по имени Сундо принес королю в дар буддийские манускрипты вместе с заверением, что буддийские практики помогут ему защитить Когурё от врагов. Король Сосурим принял Сундо, послушался его и в 372 году сам принял новую веру. В тот же год он повелел открыть Сонгюнгван – национальную школу конфуцианства, созданную по образцу китайских.²

Буддизм и конфуцианство, исходно очень разные, образовали для Когурё полезный синтез. Сундо учил Сосурима и его придворных, что недовольство, несчастье, честолюбивые амбиции и страх – суть *самскрита*, несуществующие состояния. Согласно его учению, истинно просветленный человек понимал, что нет недовольства, нет несчастья, нет амбиций, нет страха. Королевство Когурё и само было такой *самскритой* – идеей, не существовавшей в реальности. Если бы король Сосурим и его придворные по-настоящему поняли это, они смогли бы пребывать в мире, признавая (словами мастера Дзен Шэн-яня), что «мира и явлений в нем не существует». Их решения не исходили бы из стремления к выгоде, к безопасности, к счастью.³

С другой стороны, конфуцианство принимало реальность материального мира и учило своих последователей жить в нем достойно, добродетельно и ответственно. Принципы буддизма принесли людям Когурё духовное единство; принципы конфуцианства дали королю Сосуриму испытанную схему для обучения новых полководцев, министров, счетоводов и чиновников – то есть всё, что необходимо для процветания страны. Буддизм был философией монахов, конфуцианство – доктриной в академиях.

Поскольку буддизм не был религией, построенной на письменных догматах, вокруг веры в которые собирались её сторонники, два разных мировоззрения гармонично сосуществовали бок о бок. Сторонники буддизма, в отличие от христианства, никогда не выделяли свою философию как исключительное мировоззрение, требовавшее отказа от других верований. Поэтому, хотя король Сосурим сделал своей верой буддизм, он не превратил его в официальную религию страны. Этим он завоевал исключительные полномочия, не имевшие никакого смысла вне буддистской среды.⁴

Когурё больше не стояло на грани исчезновения. Сосурим вернул его из небытия и восстановил государство. Но на то, чтобы страна набрала достаточно сил для завоеваний и экспансии, требовалось время.

Тем временем Пэкче оставалось самым влиятельным государством на Корейском полуострове. Правил им Кынчхого, некогда начавший вторжение, во время которого пал отец Сосурима. Границы Пэкче расширялись и поглощали южные земли, и королю Кынчхого, как и его северному соседу, необходимо было ввести обычаи, которые удерживали бы территории Пэкче в рамках единого государства под началом одного короля. Никогда прежде корона Пэкче не переходила от отца к сыну; воины один за другим добывали её силой. Но схватка за наследование, скорее всего, привела бы к утрате части территории Пэкче, поскольку местные военачальники более вкладывались во внутреннюю политику, нежели в экспансию. Король Кынчхого, стремясь защитить завоеванные земли, объявил, что корона перейдет к его сыну. Когда он умер в 375 году, его слово не потеряло силу. Трон перешел сначала к сыну, а потом, после ранней смерти сына, к внуку Чхимрю.⁵

В 384 году индийский монах Марананта, странствуя по Китаю, пришел из государства Цзинь в Пэкче. Когда король Чхимрю услышал о его приближении, он вышел навстречу Марананте и взял его в столицу, чтобы послушать, что тот говорит. Как и Со-сурим, король тоже принял учение буддизма.⁶

Для обоих королей буддизм нес в себе отблеск древности, дух старинных китайских традиций. Оба правили относительно молодыми государствами, и в этих государствах все китайское было крайне желанно. За буддизмом летело эхо унаследованных полномочий многосотлетней давности, слабый отголосок (как и в случае с Цзинь) далекого и славного прошлого.

Когда в 391 году на трон взошел Квангэтхо, племянник Со-сурима, основа государства, заложенная его предшественниками, была достаточно крепка, чтобы поддержать завоевательную кампанию, и даже буддийская философия, получившая широкое распространение, не побудила Квангэтхо отказаться от честолюбивых целей и материальной выгоды. Не прошло и года после коронации, а Квангэтхо уже организовал кампанию против Пэкче, в течение десятилетий считавшегося неприступным.

Ему удалось заключить союз с третьим королевством полуострова – Силлой. В 391 году Силлой правил дальновидный правитель Нэмуль. Он уже посылал дипломатические миссии за море, ко двору Цзинь; теперь он дружелюбно ответил на политические реверансы Квангэтхо, радуясь, что обретет союзника против постоянно вторгающихся на его земли войск Пэкче.

Армии Силлы и Когурё объединились и вместе напали на Пэкче. Противостояние было недолгим: Пэкче было оккупировано войсками соседних государств. В 396 году король Пэкче передал захватчикам тысячу высокопоставленных заложников в знак гарантии своего примерного поведения и согласился платить дань королю Квангэтхо.

Оставшаяся часть правления Квангэтхо ознаменовалась столь масштабными завоеваниями, что он заработал себе прозвище «Великий расширитель границ». Между 391 и 412 годами Квангэтхо захватил для Когурё шестьдесят пять городов, защищенных крепостными стенами, и тысячу четыреста незащищенных сел; он вернул стране северные земли, отобранные у нее десятилетиями ранее, и оттеснил Пэкче на юг. Список его деяний высечен на каменной стеле, до сих пор стоящей на его могиле – «Стеле

Квангэтхо», первом документе в истории Кореи. На ней значится: *«Этой великой военной силой он охватил четыре моря, как растущий ивняк. Люди его процветали и жили в довольстве, и пять зерен дали большой урожай»*. Его собственные слова сохранены в храме, который он повелел построить в ознаменование своих побед: *«Исповедуя буддизм, – гласит эта надпись, – мы движемся к процветанию»*.⁷

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ К ГЛАВЕ 7

Римская империя	Персидская империя	Котурэ, Паче и Силла
	Шапур II (309–379)	Мирхон (300–331)
Битва на Мульвийском мосту (312)		
Константин Великий (312–337)		
Битва на Чистых полях (313)		
Миланский эдикт (313)		
Никейский собор (325)		Когутвоп (331–371)
	Хосров III Котак , царь Армении (330–338)	
Константин II (337–340)		
Констанций (337–361)		
Констант (337–350)		
		Кыпчхого (346–375)
		Помуль (356–402)
Первый Константинопольский собор (359)		
Юлиан (360/361–363)		
Иовиан (363–364)		
Валентиниан (364–375).		
Валент II (375–392)		
Война с готами (367–370)		Сосурим (371–384)
		Принятие буддизма на Корейском полуострове
Грациан (375–383).		
Валентиниан II (375–392)		
		Чхимрю (384–385)
		Квангэтхо (391–413)

Глава восьмая

Католическая церковь

Между 378 и 382 годами Грациан отказывается от старой римской религии, а Феодосий I пытается узаконить братство и единство

Спустя пять месяцев после смерти Валента II император Грациан объявил правителя восточных земель: им стал Флавий Феодосий, взявший императорское имя Феодосий I. Младший брат Грациана, Валентиниан II, формально бывший его соправителем, достиг лишь семи лет от роду и нуждался в компетентном наставнике.

Самая большая угроза с востока – угроза персидского вторжения – тем временем уменьшилась. В 379 году персидский царь Шапур Великий умер после почти семидесяти лет правления; его преемником стал его пожилой брат Ардашир (Арташир) II, более обеспокоенный сохранением своей короны, чем набегами на чужие владения. Теперь оба правителя Римской империи, Грациан и Феодосий I, могли заняться обеспечением выживании своего государства. Готы на севере становились всё более могущественными, но куда более острой была другая проблема – внутренние центробежные тенденции. Мечты Константина о том, что вера сохранит империю единым целым, так и остались неосуществленными.

Грациан, глубоко верующий христианин, очень скоро оказался в конфронтации с римскими сенаторами, которые все еще придерживались традиционной римской религии. Через четыре года после битвы при Адрианополе Грациан объяснил сенату, что не позволит римским богам подточить христианскую веру в империи. В 382 году он убрал Алтарь Победы из здания Сената в Риме. Алтарь стоял здесь со времен победы Октавиана Августа над Антонием и Клеопатрой четыреста лет назад и был посвящен богине победы. Сенаторы протестовали, но Грациан был непреклонен. Также он убрал из списка своих титулов звание Великого понтифика – верховного жреца римской религии; когда ему принесли священные одежды, чтоб он облачился в них, как того требовала традиция, он отказался их надеть.

Так император отрекся не только от римских богов, но и от всего римского прошлого. Зосима резко указывает на то, что титул Великого понтифика римские императоры носили со времен Нумы Помпилия, жившего за тысячу лет до Грациана. Даже Константин Великий носил эти одежды. «Если император отказывается стать понтификом, – проворчал в те дни один из жрецов, – мы сами найдем его».¹ Удержит ли Грациан свою власть в условиях враждебности сенаторов, было только вопросом времени.

В свою очередь на востоке Феодосий I столкнулся с разрушительной силой раскола христианской церкви. Арианские догматы относительно божественной природы Христа, противоположные никейской догме, широко распространялись среди низших слоев общества. «Весь город повсеместно полон этой ересью, – сетовал епископ Григорий Нисский, проповедовавший в Константинополе. – В переулках, на площадях, на улицах, в жилищах; они ходят среди купцов и менял, они продают нам пищу. Ты просишь у них сдачи, а они начинают размышлять о рожденном и нерожденном. А если ты спросишь о цене хлеба, они отвечают: „Отец более велик, а Сын подчиняется ему“. Спросишь их – „Готова ли ванна?“ – а они говорят, что Сын происходит от несуществующего. Я не знаю, как называть это зло – воспалением мозга, безумием или эпидемией болезни, вызывающей расстройство ума».²

Чтобы восстановить империю согласно видению Константина о христианском единстве, Феодосий обратился к закону. Он воспользовался законодательной основой римского государства, чтоб поддержать христианскую религию, не обращая внимания на то, что это диаметрально противоречит древним римским традициям; он воспользовался своей властью импе-

ратора, чтобы придать христианству такую форму, которая позволила бы перестроить империю. Переплетение двух традиций продолжало навсегда изменять их обе.

В 380 году, через два года после того, как Феодосий I занял трон, он объявил никейское христианство единственно правильной верой и угрожал инакомыслящим наказанием по закону. Таким образом, он провозгласил существование единой *католической* (то есть универсальной, относящейся ко всему человечеству) христианской церкви. *«Он постановил, – пишет христианский историк Созомен, – что название „католическая церковь“ может относиться только к тем, кто в равной мере воздает почести всей Святой Троице. Тех же, кто имел другое мнение, следовало клеймить как еретиков, относиться к ним с презрением и воздавать им наказание»?*

Задолго до Феодосия христианские епископы отделили *ecclesia catholica*²⁷ от еретиков, чья вера находилась вне христианской доктрины. Но никогда прежде «еретик» не определялся с точки зрения закона. Теперь у понятия «еретик» было законное определение – тот, кто не придерживается Никейского символа веры. *«Все люди должны верить в Бога, принимая идею Святой Троицы, – провозглашал закон, – и называться католическими христианами. Места сбора тех, кто не верит, не будут наделены статусом церквей, и такие люди заслуживают как божественного, так и земного наказания».*⁴

Феодосий действительно верил, что может приказать своим подданным верить только в ту божественность, которую определил Никейский собор. Он был разумным политиком – но его религиозные воззрения были во многом наивны. Например, Созомен сообщает, что на следующий (381) год Феодосий в качестве второго этапа исполнения своего закона созвал церковный собор, и собрал на нем «представителей процветающих сект», чтобы обсудить их различия, *«поскольку вообразил, что все могут прийти к единству мнений, если неоднозначные положения доктрины обсудить в свободной дискуссии»?*

Это был крайне оптимистический прогноз, и каждый, кто когда-либо занимался церковной деятельностью, мог бы предвидеть, что он не оправдается. Но Феодосий продолжал упорствовать, несмотря на все трудности. Когда его закон был принят, он мог начать унификацию церкви на практике. Он отнял все епископские должности у неникейских христиан и передал их епископам-никейцам, таким образом принес им материальную выгоду. Он угрожал еретикам, упорствовавшим в своем учении, что изгонит их из Константинополя и конфискует их земельные владения. Он не всегда исполнял свои угрозы – Созомен с одобрением отмечал, что, хотя император ввел в закон суровые наказания для еретиков, применялись они не часто: *«Он не желал преследовать своих подданных; он стремился лишь укрепить единое понимание Бога посредством угроз»?*

Феодосий понимал, что единство проще провозгласить, нежели создать на самом деле. Во многих вопросах иметь дело с готами было проще, чем с еретиками – их было достаточно просто убить. Созывая соборы и создавая доктрины, Феодосий в то же время руководил борьбой против вторжения готов. Готы стали такой серьезной проблемой, что Грациан согласился передать большую часть населенных готами земель западной половины империи – три епархии в центральной провинции Паннония – под руководство восточной части империи, чтобы Феодосий изгнал оттуда готов.

Увы, его армия не была достаточно сильна, чтобы выполнить это чрезвычайное задание, и Феодосий применил для усиления своих войск новую стратегию: он набирал варваров из одних земель, чтобы бороться с варварами в других. Он вербовал готских наемников из Паннонии и отправлял их служить в Египет, а после переводил из Египта римских солдат, чтобы те воевали с готами. Значение понятия «римский солдат», как и «римлянин» вообще, стано-

²⁷ Римско-католическую церковь. (Прим. перев.)

вилось всё более зыбким – несмотря даже на то, что Феодосию удалось сузить значение слова «христианин».⁷

То, как тонка грань между римлянином и варваром, стало еще более очевидно в 382 году, когда после четырех лет войны против готы Феодосий решил, что в нее вкладывается слишком много сил, и заключил с ними мир. Согласно договору, готы могли жить на землях Римской империи под началом своего вождя. Вождь готы становился подданным императора, но сами готы не подчинялись римским властям; если они сражались за Рим, то на правах союзников, а не римских солдат из регулярной армии, подчиняющихся римским военачальникам.⁸

Передача Паннонии

В 382 году Феодосий мог сказать, что превратил хаос восточных земель в порядок. Христианская церковь была объединена, готы умиротворились, мир пребывал в равновесии.

Но всё достигнутое Феодосием было лишь видимостью, а не настоящей победой. Фактически готы не были укрощены. Арианство (даже не считая других ересей) не было искоренено. Христиане империи не стали единым целым. И даже верховенство над созданной Феодосием католической церковью было предметом споров. В ходе собора 381 года Феодосий провозгласил, что епископ Константинополя равен епископу Рима по влиятельности, «поскольку Константинополь – это Новый Рим».⁹ Возможно, это решение и имело смысл – но в 382 году, когда Феодосий уже праздновал свою победу, епископы прочих древних центров христианской традиции не пришли в восторг от возвеличивания сравнительно молодой Константинопольской епархии.

Среди возражавших был и епископ Римский, в 382 году созвавший в Риме собственный собор и объявивший, что епископ Римский является главой над всеми епископами, включая выскочку-Константинополь. Священники Рима согласились с этим, и епископ Римский при-

казал своему секретарю, молодому человеку по имени Иероним, записать это решение. Также римский синод сошелся на том, что Иероним, хорошо знавший языки, должен начать работу над новым латинским переводом Святого Писания.

Это был ответ на попытку приравнять грекоязычный Восток к Западу; римский синод провозгласил, что латынь, язык Запада, – единственно верный язык для Писания и церковных служб. Феодосий объявил, что все христиане должны быть едины – но его католическая церковь уже начала распадаться на восточную и западную части.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ К ГЛАВЕ 8

Римская империя	Персидская империя	Коре, Пакче и Силла
		Мичхон (300–331)
	Шапур II (309–379)	
Битва на Мульвийском мосту (312)		
Константин Великий (312–337)		
Битва на Чистых полях (313)		
Миланский эдикт (313)		
Никейский собор (325)		Когугвон (331–371)
	Хосров III Котак, царь Армении (330–338)	
Константин II (337–340)		
Констанций (337–361)		
Констант (337–350)		
		Кынчхого (346–375)
		Нэмуль (356–402)
Первый Константинопольский собор (359)		
Юлиан (360/361–363)		
Юлиан (363–364)		
Валентиниан (364–375). Валент II (375–392)		
Война с готами (367–370)		Сосурим (371–384)
		Принятие буддизма на Корейском полуострове
Грациан (375–383). Валентиниан II (375–392)		
Феодосий (378–395)		
	Ардашир II (379–383)	
		Чхильрю (384–385)
		Квангэтхо (391–413)

Часть вторая Раздробленность

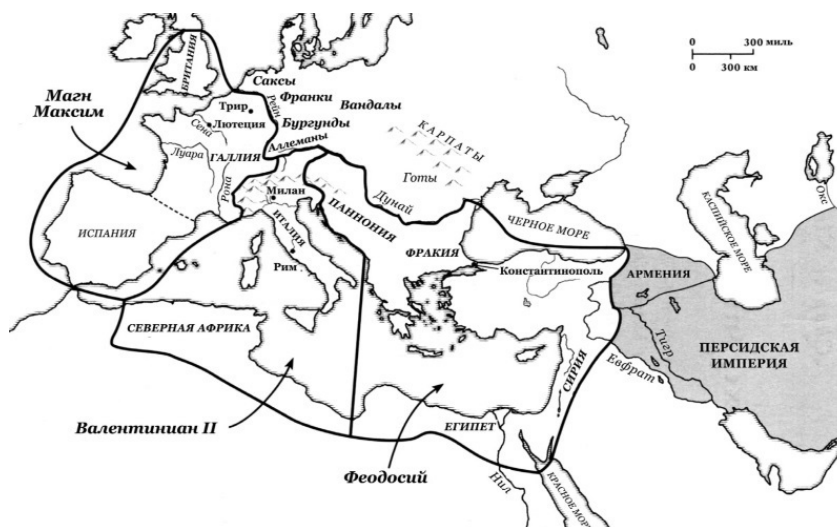
Глава девятая Отлучение от церкви

Между 383 и 392 годами испанец становится королем бриттов, а Феодосий обнаруживает, что недооценил силу церкви

В 383 году римское войско в Британии взбунтовалось и объявило новым императором Магна Максима, своего полководца.

Сначала Магну Максиму присягнули на верность только войска Британии; по сути, он стал королем бриттов, хотя был римским гражданином и испанцем по происхождению. Но скорее всего, он уже несколько лет обладал в Британии вполне королевскими полномочиями. Его имя всплывает в валлийских легендах, где он фигурирует как Максен Вледиг, полупоэтический персонаж, герой сочинения «Видения Максена Вледига». В этой повести Максен Вледиг восседает в Риме, правит там как император и мечтает, чтоб его женой стала прекраснейшая из девушек; он ищет ее и случайно приплывает в Британию, где находит её и женится на ней. Он проводит семь лет, строя замки и дороги в Британии, и этот срок столь долг, что в Риме узурпатор присваивает себе его трон.

Тонкий след исторической правды в этом мифе состоит в том, что Маги Максим еще в Британии предъявил претензии на звание «императора Рима» – и, без сомнения, провел много времени в качестве римского военачальника, строя дороги и развивая на острове римскую инфраструктуру. Возможно, Маги Максим позволял племенам западного острова (современной Ирландии) селиться на западных берегах Британии, и такое слияние культур стало основой Уэльса. Это может объяснить его образ в валлийских историях о происхождении страны, где Маги появляется так часто, что Джон Дэвис называет его «вездесущим наблюдателем».¹

Раздел империи на три части

В это время Британия еще не была христианизирована. Римская армия в Британии была тесно связана со старой, традиционной римской верой, и выражала недовольство тем, что оба императора, Грациан и Феодосий – христиане. С другой стороны, Максим был ярким приверженцем римской веры; когда войско избрало его императором, он заявил о своей верности Юпитеру, собрал военные силы и направился в Галлию, надеясь завладеть западным тронном фактически, а не только на словах.

Отголосок этого похода можно найти в «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского – весьма нереалистической, в которой король Артур с войском приплывает в Галлию и сражается с правящим там римским трибуном. В этой версии истории Артур после своего триумфа, и предварительно опустошив провинцию, создает царский двор в старой римской крепости Лютеции Паризиев²⁸, лежащей на реке Сена.

В реальности на территорию Галлии вступил именно Маги Максим, и он действительно дошел до Лютеции Паризиев, где и был встречен Грацианом с боем. Часть солдат Грациана, желавших, чтоб император поклонялся Юпитеру, а не христианскому богу, перебежала на сторону Максима, а оставшиеся были разбиты. Грациан сбежал и вскоре умер – то ли захваченный в плен и убитый солдатами Максима, то ли умерщвленный собственными военачальниками.²

Так Максим захватил контроль над Галлией и объявил себя императором Галлии и Испании, а также Британии. Теперь империя оказалась разделена на три части: на дальнем Западе ею правил Маги Максим, на Востоке – Феодосий, а младший брат и бывший соправитель Грациана, Валентиниан II, всё ещё крепко держал власть над Италией и Северной Африкой.

Контролируя западную часть материка, Максим направил Феодосию официальное послание как император императору, предлагая ему союз и дружбу. Вторжение произошло слишком быстро, и Феодосий не смог противостоять ему, теперь же акт свершился, и восточный император решил, что пойти навстречу предложению Максима будет благоразумно. Как оказалось, они с Максимом были старыми знакомыми, в молодости вместе сражаясь на полях Британии. Феодосий согласился признать Максима законным императором, и в течение четырех лет три императора правили рядом, а Феодосий был среди них старшим Августом. «Однако, – пишет Зосима, – в то же время он тайно готовился к войне и стремился усыпить бдительность Максима всеми видами лести».³

Подготовка к войне включала в себя переговоры с персами – Феодосий не хотел, идя войной на запад, обнаружить, что его восточные границы атакованы. Ардашир II, пожилой брат великого Шапура II, был смещен персидской знатью спустя четыре года неэффективного управления страной; теперь на троне сидел Шапур III, сын Шапура II. Предметом новой войны между Римом и Персией мог стать контроль над Арменией, потому Феодосий отправил посла ко двору Шапура III, чтобы заключить сделку.⁴

Послом был римский воин по имени Флавий Стилихон, уроженец севера империи. Его мать была римлянкой, а отец вандалом – «варваром» из германского племени, жившего к северу от Карпат. В отличие от готов, вандалы не доставляли проблем Римской империи. Однако в глазах многих римлян Стилихон нес на себе клеймо варвара. Историк Павел Орозий, не любивший Стилихона, ставил ему в вину происхождение, говоря, что тот «происходит из вандалов – не воинственного, жадного, подлого и лукавого народа».⁵

Но Феодосий ему верил, и в ответ на это доверие Флавий Стилихон, которому в то время еще не было и тридцати, провел впечатляющие переговоры. В 384 году Шапур III согласился разделить власть над Арменией между двумя государствами. Западной частью Армении должен был руководить правитель, назначенный Римом, восточной – правитель, верный Персии. Феодосий был благодарен; когда Флавий Стилихон вернулся, Феодосий произвел его в гене-

²⁸ *Lutetia Parisiorum*. Паризии – кельтское племя, проживавшее на берегах Сены до прихода римлян. (Прим. ред.)

ральскую должность и выдал за него четырнадцатилетнюю принцессу Серену, свою племянницу и приемную дочь.

Договор с персами позволил Феодосию продолжить подготовку к войне с узурпатором на западе. Тем временем Магн Максим планировал двинуться на восток, против Валентиниана II. Максим хотел стать истинным владыкой Запада, а пока Валентиниан II правил в Италии, законность его прав на престол оставалась сомнительной.

Валентиниану II было только пятнадцать лет, и действительной властью над Италией обладали его военачальники и мать Юстина. В 386 году Юстина дала Максиму повод вторгнуться в Италию. Сама она была арианкой, а потому враждовала с католическим епископом Милана, Амвросием Медиоланским. Они конфликтовали уже много лет, но в 386 году Юстина (посредством своего сына) выпустила императорский указ, повелевающий Амвросию передать одну из миланских церквей арианам, чтобы у них было место для сборов. Амвросий возмущенно отказался, Юстина же ужесточила свои требования и потребовала другую, более значительную и важную церковь – Новую Базилику²⁹.

Она отправила представителей власти в Базилику в пятницу перед Вербным воскресеньем (предшествующим Страстной неделе, самой главной неделе церковного календаря), когда Амвросий наставлял небольшую группу новообращенных, готовя их к обряду крещения. Люди Юстины принялись менять драпировки в церкви; Амвросий продолжал наставление, не обращая на них внимания.

Вторжение имперских чиновников в церковь разгневало никейских христиан Милана, и они собрались вокруг церкви в знак протеста. Демонстрантов становилось всё больше. В итоге Страстная неделя оказалась отмечена уличными беспорядками, вооруженные солдаты арестовывали мирных граждан (позже Амвросий написал своей сестре: «тюрьмы были переполнены ремесленниками и лавочниками»), и число императорских солдат всё возрастало. Амвросий не смог выйти из Базилики, окруженной солдатами, поэтому начал вынужденную сидячую забастовку с новообращенными. Он проводил время, проповедуя, что церковь не должна быть под властью императора; церковь являет собой подобие Бога, она – тело Христово, а поскольку Христос – совершенный Бог (что было камнем в огород ариан), то церковь едина и с Отцом.⁶

Наконец Валентиниан II вмешался и приказал солдатам отступить. Но более, чем неудача попытки ариан захватить церковь, его не устраивала власть Амвросия: «Вы заковали бы меня в цепи, если бы Амвросий попросил вас», – бросил он своим приближенным, и Амвросий сильно опасался, что следующим этапом обострения конфликта будет обвинение его в государственной измене.

Когда до Максима долетел ветер смуты, он привел в действие свой план. *«Предлогом, для него — пишет церковный историк Созомен, — было стремление предотвратить искажение древней религии и церковного порядка нововведениями... Он выискивал бреши и плел интриги так, что казалось, будто он взял в руки правление Римом путем закона, а не силой»?*

Учитывая, что изначально Максим выступил на Рим с именем Юпитера на устах, его новая личина защитника никейского христианства выглядела несколько фальшиво. Но это показывает, до какой степени христианство в поздней Римской империи стало языком не только власти, но и закона. Максим хотел быть не просто императором. Он хотел стать настоящим, законным императором – и чтобы достичь этого, примкнул к рядам христианской церкви. И хотя Амвросий и проповедовал, что церковь отдельна от власти императора, императоры использовали церковь как оружие друг против друга.

Пока Максим шел к Милану через Альпы, Феодосий со своей армией выступил на запад, а Валентиниан II и Юстина бежали из Италии в Паннонию, взяв с собой Галлу, сестру Валентиниана, и оставив Милан Максиму и его армии. Когда Феодосий пришел в Паннонию, Юстина

²⁹ Будущий Собор Святого Петра. (Прим. перев.)

предложила выдать за него свою дочь Галлу при условии, что тот прогонит Максима. Феодосий принял предложение. По общему мнению, Флавия Галла была очень красива – к тому же брак связал Феодосия, бывшего солдата из Испании, с династией Валентиниана.

Он дошел до самого Милана, позаботившись, чтобы впереди него двигались рассказы о размерах и смертоносности его армии.

Возможно, Максим не ожидал, что Феодосий бросит свои восточные пределы и придет так далеко на запад. В любом случае, когда Феодосий достиг Милана, солдаты Максима были уже так запуганы, что схватили своего предводителя и передали Феодосию.

Война закончилась без единой битвы. Феодосий казнил Максима, положив конец правлению первого короля бриттов. Также он отправил военачальника Арбогаста, которому очень доверял, чтобы тот нашел сына и наследника Максима. Арбогаст нашел юношу в Трире и задушил его.⁸

Вторжение Феодосия закончилось полной удачей. Отныне его власть на западе сильно возросла; он стал зятем Валентиниана и избавителем империи от захватчика, и во главе триумфальной процессии вошел в Рим. После он со своей прекрасной молодой женой отбыл обратно, а в качестве новой правой руки Валентиниана оставил полководца Арбогаста, уже вернувшегося после удушения сына Максима.

Как и Стилихон, Арбогаст был варварского происхождения, франком по отцу. Поэтому, хоть и сделав блестящую карьеру в армии, он не мог даже надеяться на императорский трон. Так уж вышло, что самыми приближенными к Феодосию были варвары наполовину или более того; они не могли оспаривать корону своего повелителя.

Арбогаст уже был опытным воином, и Валентиниан II, привыкший к тому, что им управляют, даже не думал противиться. Арбогаст возглавил администрацию западной части империи, подчиняясь непосредственно Феодосию на востоке, а Валентиниан II, сидя на имперском престоле, был не более чем марионеткой.

В сущности, теперь Феодосий контролировал всю империю, а потому мог вновь обратиться к своему проекту унификации. Возвращаясь в Константинополь, он стал работать над эдиктом – сводом правил, разработанных с целью введения во всей Римской империи правоверного христианства. Первый эдикт, написанный в 389 году, ударил в самое основание отношений между старой римской верой и римским государством: Феодосий объявил, что старые римские празднества, бывшие всегда государственными, станут рабочими днями. Официальные праздники в те времена, как и ныне, были способом создания мифологической основы нации, напоминания гражданам о самых славных моментах прошедших времен и подмогой в определении будущего страны. Феодосий не только христианизировал империю – он начал переписывать историю.

И в этом он слегка не попадал в такт настроениям Запада. В Риме сенаторы уже три раза обращались к императорскому двору в Милане с просьбой вернуть в сенат традиционный Алтарь Победы, упраздненный Грацианом. Руководил этими обращениями Квинт Аурелий Симмах, префект (то есть высший чин администрации) Рима. Он просил Валентиниана сохранить традиции прошлого: *«Мы просим о возвращении той религии, в лоне которой так долго процветала Римская республика, – писал он. – Умоляем вас, позвольте нам в наших преклонных годах передать потомкам то, чему сами научились, когда были мальчиками, ибо велика любовь к традициям».*

Но основным доводом Симмаха было его понимание веры. Он не понимал, почему для победы христианства необходимо искоренить любые воспоминания о прежней религии Рима. Далее в своем обращении он писал:

«На чем нам клясться чтить твои законы и указы? Что помешает вероломному уму лжесвидетельствовать? Воистину все места преисполнены Богом, нет ни единого угла, где лжесвидетель был бы в безопасности – но

упреждению преступления очень помогает мысль о присутствии священных предметов. Этот алтарь соединяет в себе всё, он обращен к вере каждого, и нет ничего, что давало бы нашим указам больший вес, нежели то, что все наши решения, так сказать, закреплены клятвой... Мы смотрим на те же звезды, у нас всех общее небо, и окружает нас тот же мир. Так какая разница, каким способом каждый из нас ищет правды?»⁹

Это был главный вопрос, и Феодосий мог бы ответить на него в том смысле, что, пока граждане империи ищут правды разными способами, их не будет объединять верность чему-то единому. Само деление империи на две или три части казалось похоронным звоном по возможности удержать ее с помощью римского самосознания: Западная и Восточная Римские империи уже начали проявлять разные характеры.

Амвросий Медиоланский выступил против этих петиций; в его ответе Симмаху сформулированы те уникальные особенности теологической системы, которые сделали христианство столь полезным для императоров.

«Вы забываете, что глас Божий наставлял нас; с помощью слабых догадок вы пытаетесь достичь того, что пришло к нам с самой Мудростью и Правдой Божьей. Потому наши обычаи расходятся с вашими. Вы просите императора обеспечить мир вашим богам, а мы молим Христа о мире для самих императоров. Вы обожествляете труды собственных рук, мы же считаем кощунством называть Богом любую сотворенную вещь... Император-христианин научился почитать лишь алтарь Христа... Так пусть же голос императора говорит лишь о Христе, пускай он объявит Его единственным, в Кого верит всем сердцем, ибо сердце правителя – в деснице Божией».¹⁰

Амвросий был упрямым и бескомпромиссным, однако понимал, сколь высоки ставки. *Лишь алтарь Христа* был единственной надеждой Феодосия на консолидацию – и эта надежда была очень сильна.

Но единение не прошло для Феодосия даром. В 390 году, через год после выпуска первого эдикта, он столкнулся с противостоянием той самой церкви, из которой пытался извлечь выгоду. Амвросий отлучил его от церкви: впервые в истории христианской церкви монарх был наказан ею за политические действия.

То был вполне прямолинейный, даже жестокий акт возмездия. В Паннонии римский губернатор попал в неприятности; как-то поздней ночью, напившись в одной таверне, он «постыдно обнажился», и колесничий, сидевший рядом с ним, «попытался выразить негодование».¹¹ Простая попойка превратилась в инцидент, после которого пристыженный губернатор арестовал колесничего и бросил его в тюрьму. К сожалению, это был один из самых известных участников колесничных гонок, которые были назначены на следующий день, и когда губернатор отказался выпустить его на время соревнований, поклонники колесничего подняли бунт, ворвались в дом губернатора и убили его.

Феодосий тут же попытался подавить сопротивление и приговорил к смерти всех, кто поднял бунт. Репрессии затронули и просто зевак, наблюдавших за мятежом. Амвросий пришел в ужас от такой несправедливости. Когда Феодосий прибыл в Милан, чтобы проверить, как идут дела в западной части его владений, Амвросий отказался впустить его в церковь ради молитвы и принятия Святого Причастия, символа Тайной Вечери – обряда, отделявшего верующих христиан от язычников.

Христианские историки, описавшие это происшествие, говорят только, что Феодосий покаялся в грехе, получил епитимию и был прощен. Но в числе мелких сносок остается тот факт, что Феодосию потребовалось около восьми месяцев, чтобы исправить положение. Стоя

на ступенях храма и глядя на непреклонного Амвросия, Феодосий, должно быть, осознал непредусмотренные последствия своего эдикта. Католическая церковь объединяла его империю именно потому, что была превыше государства, превыше верности своему народу, превыше любого человека.

Она была превыше императора.

В те восемь месяцев, пока Феодосий обдумывал свои дальнейшие действия, будущее христианства, похоже, висело на волоске. Придумай Феодосий лучшую стратегию, он отказался бы выполнить требования Амвросия. Но таким образом он либо отворачивался от евхаристии (обряда святого причастия), тем самым обрекая свою душу на вечные мучения, либо переставал признавать авторитет Амвросия. А последнее повлекло бы за собой вывод, что христианская церковь, по сути, не главнее императора. «Воспитанный на святых наставлениях, – заключает христианский историк Феодорит, – Феодосий прекрасно знал, что дано священникам, а что – императорам».¹²

Императорам не было дано сделать из империи единое целое. Наконец Феодосий вернулся в Милан, покорился религиозному авторитету Амвросия, принял несколько месяцев епитимьи, наложенной на него Амвросием, и был возвращен в лоно церкви.

Он приказал закрыть и покинуть все храмы римской веры, чтобы христиане могли разрушить их и построить на их месте свои; повелел, чтобы огонь, некогда охранявшийся на Римском форуме весталками, был официально залит водой. Он также объявил, что олимпийские игры будут проведены в последний раз, прежде чем навечно отменить их.

Наконец он провозгласил, что любой акт поклонения римским богам будет актом, направленным против самого императора. Церковь могла стоять превыше императора – но он по-прежнему мог заполучить её преданность и направить в нужное ему русло.¹³

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ К ГЛАВЕ 9

Римская империя	Персидская империя	Когурё, Пэкче и Силла
	Шапур II (309–379)	Мичхон (300–331)
Битва на Мульвийском мосту (312)		
Константин Великий (312–337)		
Битва на Чистых полях (313)		
Миланский эдикт (313)		
Никейский собор (325)		Когурён (331–371)
	Хосров III Котак, царь Армении (330–338)	
Константин II (337–340)		
Констанций (337–361)		
Констант (337–350)		
		Кыпчхого (346–375)
		Помуль (356–402)
Первый Константинопольский собор (339)		
Юлиан (360/361–363)		
Юлиан (363–364)		
Валентиниан (364–375). Валент II (375–392)		
Война с готами (367–370)		Сосурим (371–384)
		Принятие буддизма на Корейском полуострове
Грациан (375–383). Валентиниан II (375–392)		
Феодосий (378–395)		
	Ардашир II (379–383)	
Магн Максим (383–388)	Шапур III (383–388)	Чхильмрио (384–385)
Эдикты Феодосия		
		Кванггэхо (391–413)

Глава десятая Раскол

Между 392 и 396 годами восточная и западная половины Римской империи оказываются в противостоянии друг с другом

В 392 году, после четырех лет «помощи» Арбогаста, Валентиниан II совершил самоубийство в Милане. Ему в это время был двадцать один год.

После его смерти немедленно разгорелась гражданская война. Сестра Валентиниана II, Флавия Галла, жена Феодосия, настаивала на том, что её брат не мог сам убить себя. Феодосий должен был расследовать это дело, и Арбогаст понял, что первым действием императора будет, скорее всего, смещение его с должности. Прежде чем Феодосий начал действовать, Арбогаст отправился в римский Сенат и пообещал сенаторам помочь вернуть Алтарь Победы и защищать римскую религию от угасания. В итоге сенаторы и Арбогаст избрали нового императора западных земель – безобидного и покорного римского чиновника по имени Евгений, христианина, который был склонен поддерживать статус старой государственной религии.

Феодосий, узнав об этом, отказался признать Евгения действительным императором. Вместо него он назначил наследником западного престола своего восьмилетнего сына Гонория и начал готовиться к войне, приступив к найму военной силы – *федератов*, готских солдат под командованием их вождя Алариха I. Он выступил на запад со Стилихоном, своим военачальником и зятем, и встретил армию Евгения, Арбогаста и римских сенаторов на реке Фригид 5 сентября 394 года.

Битва на реке Фригид

Павел Орозий настаивает на том, что Феодосий перекрестился перед тем, как броситься в битву, а три разных христианских историка пишут, что божественный ветер подул и повернул стрелы западного войска против него самого.³⁰ Созомен прибавляет, что во время битвы над церковью, где Феодосий молился перед боем, появился демон и стал насмехаться над христианством, а после пропал, когда армия Феодосия начала выигрывать.

³⁰ Возможно, на поле боя обрушился ветер, известный как «бора», формирующийся в случаях, когда холодный воздух затягивает в зоны низкого давления над Адриатикой. Фредерик Синглтон замечает, что бора может развить скорость до 100 миль в час и вызвать падение температуры на 22 градуса по Цельсию. (Прим. авт.)

Именно Стилихон и Аларих, возглавившие оба фланга армии, и обеспечили разгром западного римского войска. Евгений был убит в тот же день, Арбогаст, увидев уничтожение своей армии, покончил с собой на следующий день. По словам Павла Орозия, это была битва, «вызванная благочестивой необходимостью».¹

Сообщения современников вряд ли могут помочь в восстановлении реальной картины битвы на Фригиде, но история о ветре божественного происхождения показывает: историки знали, что стоит на кону. Это была не просто очередная схватка враждующих императоров, но битва между двумя совершенно разными мировоззрениями. Когда она завершилась, Феодосий обрел контроль над всей империей: над восточной её частью – как старший император, над западной – как регент при своем юном сыне Гонории. В последний раз вся Римская империя собралась под властью единого правителя.

Феодосий умер в 395 году, через год после битвы. Двое сыновей от первого брака разделили его владения как Августы-соправители. Восемнадцатилетний Аркадий взял себе константинопольский престол, Гонорий унаследовал западный. Гонорию было лишь десять, поэтому Феодосий приказал полководцу Стилихону, наполовину вандалу, охранять его.

После смерти Феодосия осталась также пятилетняя дочь Галла Плацидия – от второй жены, молодой и прекрасной Флавии Галлы. Дочь передали на воспитание Стилихону и его жене, римлянке Серене. Стилихон, будучи слишком варварских кровей, чтобы зваться императором, стал таковым на практике.

На востоке Аркадий, мягкий и легкоуправляемый, руководил своими землями с помощью полководца Флавия Руфина. Руфин был главой личной гвардии императора – самого элитного военного подразделения восточной армии, и именно за ним оставалось последнее слово в империи. Как и Стилихон, именно он обладал настоящей властью. *«Вся империя легла на плечи Аркадия и Гонория, – пишет Зосима, – и они действительно обладали авторитетом, соответствующим их титулам, хотя всеми делами в империи заведовал Флавий Руфин на востоке и Стилихон на западе»*. В отличие от Стилихона, Руфин не был варваром по крови, а потому мог лелеять желание однажды стать императором.²

Теперь обеим частям империи угрожал бывший сторонник Феодосия I – Аларих I, возглавлявший подразделения готов в битве на Фригиде. Аларих I надеялся получить после смерти Феодосия титул главы римской армии – *магистра армии*, но ни один из императоров не удостоил его такой чести. Аларих считал, что причиной тому его готское происхождение. Его войска уже кипели от недовольства. На Фригиде пало огромное количество готов (свыше десяти тысяч); они считали, что их использовали как живой щит для регулярных войск.

Вместо того, чтобы продолжать добиваться римских привилегий, Аларих захватил руководство над армией готов и провозгласил себя их главнокомандующим и вождем. Этим он создал новый народ, став его правителем – вождем вестготов.³

Историки поздней Римской империи (в первую очередь Иордан и Маги Аурелий Кассиодор) делили готов на две различные группы: остготов (остроготов), живших на востоке, и вестготов (визиготов) – на западе. Эти названия не следует считать обозначением наций³¹ – они лишь позволяют делать географическое различие между готами, осевшими ближе к Черному морю и теми, кто поселился дальше к западу. До Алариха I народа готов не существовало

³¹ Это не так – именно деление готов на западных и восточных стало признаком образования двух наций, каждая со своим характером и своей историей. Восточные готы стали именоваться остроготами – по имени своего первого царя Остроготы, либо же напрямую от индоевропейского *«austr»* – «блестящий» (возможно, имя царя на самом деле являлось титулом). Западные готы стали называться визиготами или «мудрыми готами», от индоевропейского *«weise»* – «мудрый». Позднее в европейской литературе эти названия по созвучию были сокращены до «остготов» и «вестготов», что соответствовало их географическому расселению (считается, что первым это сделал Кассиодор в VI веке). Первые (наряду с лангобардами) в итоге стали предками итальянцев, вторые (вместе со свевами) – предками испанцев. (Прим. ред.)

– существовал ряд непостоянных по структуре германских племен, которые иногда воевали вместе, а иногда друг против друга.

Готская армия Алариха была объединена не тем, что солдаты принадлежали к одному племени (хотя они все были более или менее германских кровей), но тем, что вместе они создали полноценную военную структуру. Когда Аларих провозгласил себя их вождем, они впервые стали чем-то большим, чем армия. Волевым усилием они превратились в народ, объединенный не только племенной историей, но и общей целью. Это новое объединение взяло себе имя территории, где некогда жили многие его члены – западных готских земель, «вестготы». Но это имя распространялось и на племена, обитавшие дальше на север. Историки называют этот процесс этногенезом: племена, объединенные совместной задачей или местоположением, создают один народ, придумывая себе имя, историю и благородную родословную.⁴

Итак, реакция на тяготившее их презрение римлян сделала визиготов Алариха независимым народом, появившимся посреди римских земель. Этот народ был возмущен и голоден, и вёл его сильный вождь с большим военным опытом. Потому первым побуждением нового народа было напасть на окраинные римские провинции – захватить то, что, как считали готы, причитается им, а затем двигаться на Константинополь.⁵

Восточный император Аркадий и его стратег и покровитель Руфин не были подготовлены к обороне. Большая часть римской армии находилась далеко на западе, со Стилихоном. Стилихон приказал войскам выступить против Алариха – но тот, избегая решительной битвы (а быть может, и потому, что Стилихон тайно договорился с ним), остановил свое войско и отправился с ним разорять греческие провинции.

Римские же солдаты продолжили свой путь к Константинополю; вероятно, Стилихон приказал им присоединиться к восточной армии – одолжение императору Востока Аркадию. Когда войска подошли к стенам города, Аркадий вышел их приветствовать, и полководец Руфин шел за ним. Поэт Клавдий Клавдиан, современник императора, так описывает последовавшие события: когда Руфин шел за императором вдоль сомкнутых рядов, солдаты

«...заходят тем временем сзади,
Широкою строй изогнув дугой и готовясь нежданно
Оба конца ее сблизить в кольцо. Начинает сужаться
Поле, сдвигается щит ко щиту, все круче и круче
Изгиб, сводящий крыло и крыло постепенно и мерно...
Тут из ратных рядов бросается самый отважный,
Меч наготове, пылает лицо и яростно слово...
Вслед за одним бросаются все – и ударами копий
Тело дробят, острия все в одном согреваются мясе...
Этот рвется ногтями к еще не смеженному взору
Алчных очей, тот схватил, как добычу, отъятую руку,
Третий ногу отсек, четвертый плечо из сустава
Вывернул; этот в спине позвонок с позвонком разывает,
Этот печень, тот сердце, тот полные вздохом последним
Легкие вырвал на свет. Мало места для мести, простора
Для ненавидящих нет!»⁶

Официальная версия Запада гласила, что все произошло случайно и без приказа. Но Клавдиан настаивает на том, что готский солдат, первым поразивший Руфина, вырвался вперед с криком:

«Это гонимый тобой Стилихон своею десницей
Здесь поражает тебя!»

Не он один приписывал планирование нападения Стилихону. Зосима, которого не приводили в восторг оба деятеля, стоявшие за престолами империи («В вышеназванных городах, – жалуется он, – деньги из всех налогов следовали в сундуки Руфина и Стилихона»), также был согласен с тем, что это убийство заказал Стилихон.⁷

Если Стилихон и вправду отдал такой приказ, это был его первый шаг на пути к расширению своей власти на всю империю. Но освободившееся место тут же занял другой приближенный слабохарактерного Аркадия – евнух Евтропий.

Если верить Зосиме, Евтропий был не лучше погибшего Руфина. Он был «отравлен благосостоянием, и в своем воображении поднимался выше облаков». Он был опаснее Руфина, поскольку знал своего врага. *«Он знал, – говорит Зосима, – что Стилихон всевластен на Западе; потому... уговорил императора созвать сенат, чтобы с помощью закона объявить Стилихона врагом империи»?*

Евтропий не был императором, он не мог двинуть армию против мощи Запада. Но вместо этого он мог прибегнуть к закону. Так он и поступил, полностью обнажив всю двойственность Римской империи. Империей правили два императора из двух столиц, и лишь земли, которыми они правили, всё еще носила одно общее имя. Однако трещина, разделившая страну надвое, теперь стала явной: Стилихон, покровитель Запада, на Востоке был объявлен вне закона.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ К ГЛАВЕ 10

Римская империя	Персидская империя	Когурё, Пэкче и Силла
Юлиан (360–361–363)		
Иовиан (363–364)		
Валентиниан (364–375). Валент II (375–392)		
Война с готами (367–370)		Сосурим (371–384)
		Принятие буддизма на Корейском полуострове
Грациан (375–383). Валентиниан II (375–392)		
Феодосий (378–395)		
	Ардашир II (379–383)	
Магн Максим (383–388)	Шапур III (383–388)	Чхимрю (384–385)
Единство Феодосия		
		Кванггэхо (391–413)
Евгений (392–394)		
Битва на реке Фригид (394)		
Гонорий (395–423). Аркадий (395–408)		
Аларих, вождь вестготов (395–410)		

Глава одиннадцатая

Захват Рима

Между 396 и 410 годами североафриканская провинция восстает, император западных земель возвращается в Равенну, а вестготы опустошают Рим

Для римских граждан, живших на североафриканских берегах, пертурбации в кругах власти не были чем-то новым. Люди здесь веками жили, находясь одновременно под властью далекого императора и его местного представителя, губернатора провинции. Северная Африка находилась далеко от Рима, и зачастую губернаторы клялись императору в верности, на практике действуя противоположно его приказам.

В 396 году, пока Стилихон и Евтропий боролись за контроль над империей, в деловом прибрежном городе Гиппон Царский (Гиппон Регий) для руководства местной христианской общиной был назначен новый епископ, Аврелий Августин. Он был африканцем по происхождению, родился римским гражданином и учился в римских школах в Карфагене. Стремясь объяснить природу двойственной власти, при которой он жил, он создал столь убедительную трактовку картины мира, что впоследствии и вся христианская церковь, и правители западного мира крепко держались за неё.

Будучи чуть больше двадцати лет от роду, Аврелий Августин переселился в Рим и преподавал там риторику; после тридцати он жил в Милане, где его другом и советчиком стал епископ Амвросий. В те времена Аврелий Августин был манихеем – последователем религии, созданной персидским пророком Мани за сотню с лишним лет до того. Манихейское учение говорило, что Вселенная состоит из двух могущественных начал – Добра и Зла, вечных противников, и материя по сути своей – от Зла, а потому люди могут вернуться к Добру лишь тогда, когда максимально оборвут свою связь с материальным миром.¹

Но, послушав Амвросия, Аврелий Августин отрекся от своего манихейского прошлого и, поразмыслив, решил стать оглашенным никейского христианства³². Изучая богословские труды, он испытал все возрастающую неуверенность и душевное беспокойство. Однажды Аврелий Августин сидел в саду в Милане, оплакивая никчемность своей души, и услышал детский голос, певший: «Подними и прочти, подними и прочти». Он воспринял это как приказ взять в руки Послание святого Павла к Римлянам, лежавшее рядом с ним. Читая книгу, он всё сильнее наполнялся верой в Христа. «Свет, избавляющий ото всех тревог, наполнил моё сердце, – пишет он в автобиографии, своей «Исповеди». – Все тени сомнений были развеяны».²

Он вернулся домой и сделал быструю церковную карьеру. Но североафриканская церковь, в которую он вернулся, была почти расколота традиционной полемикой – хотя в Северной Африке вместо споров о двойственной природе Христа темой борьбы оказался вопрос о природе самой церкви.

³² Оглашенный (греч. *катехумен*) – термин, обозначающий человека, не принявшего крещение, но наставляемого в основах веры. В церковнославянской филологии «оглашенный» трактуется как «желающий принять Святое Крещение и учащийся христианским догматам». Понятие оглашенных возникло в древности в связи с тем, что крещению предшествовал обязательный период изучения основ христианской веры и вероучения. Прошедших первое собеседование со священником зачисляли в группу подготовки, они могли слушать слово Божие во время богослужений, но не имели права участвовать в молитве верных. Затем проходило второе собеседование, оглашенный зачислялся в число «избранных» и т. д. Общая продолжительность оглашения составляла в среднем 3 года, однако срок мог быть сокращён или, наоборот, продлён в случае совершения катехуменом тяжких грехов. (Прим. ред.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.